

Александр Малнач

Рига, Латвия

«НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ» В ЛАТВИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ЗИМОЙ 1922/23 УЧЕБНОГО ГОДА: ПРИЧИНЫ, ХОД, ПОСЛЕДСТВИЯ

Латвийский университет открылся 28 сентября 1919 г., и уже в первые годы существования Высшей школы Латвии (так он тогда назывался) неприязнь к национальным меньшинствам, особенно к евреям, в ее стенах приняла открытые формы и вылилась в акты насилия. Массовые беспорядки на национальной почве произошли в университете в декабре 1922 г. Они имели важные последствия для развития политической и академической жизни в Латвии. Рассмотрению этого эпизода в истории Латвийского университета и Латвийской Республики посвящена данная статья.

Нельзя сказать, чтобы эта тема совершенно игнорировалась в латвийской историографии, но, как отмечает шведский ученый Пер Болин Хорт, изучение национальной проблематики для латышских историков как в советский, так и в постсоветский период было весьма осложнено (“*visai sarežģīti*”), и потому о событиях 1 декабря 1922 г. в Латвийском университете не опубликовано ничего заслуживающего внимания¹. Сам он, обратившись к этому материалу, опирается на труды, которые в свое время опубликовали Лео Дрибинс и Айвар Странга. Собственное исследование П. Б. Хорта — статья, напечатанная в журнале “*Latvijas Arhīvi*” («Латвийские архивы») за 2004 г.², увы, явилась фактом, но не фактором латвийской историографии: поднятые автором вопросы так и не получили исчерпывающего ответа. Из латвийских историков сколько-нибудь внимательно беспорядки в Латвийском университете зимой 1922/23 года рассматривал А. Странга³, но его подход не отличается глубиной проникновения. На русском языке работы по этой теме вообще не появлялись. Попробуем восполнить этот пробел.

События, о которых пойдет речь, имеют предысторию и контекст, вне которых они не поддаются осмыслению. В Высшей школе Латвии (с 1922 г. — Латвийский университет) вскоре после ее создания обнаружилось разногласие между закрепленным в уставе нового учебного заведения принципом академической свободы и той узко национальной направленностью, которую стремились придать главному вузу страны известные политические, общественные и академические круги, а также значительная часть латышского студенчества. Данное разногласие — закономерное следствие коренного противоречия между интересами латышской буржуазии, воспринявшей идею национального Латвийского государства, и интересами многонационального по составу населения провозглашенной 18 ноября 1918 г. Латвийской Республики. Кардинальным образом это противоречие проявилось в сфере государственного строительства. Возникнув в горниле Гражданской и национально-освободительной войны, Латвийское государство позиционировало себя как демократическую республи-

ку, что нашло закрепление в конституции 1922 г. Но вслед за принятием конституции началась борьба за ее пересмотр, а фактически отмену и установление националистической диктатуры. Этот комплекс противоречий и стал причиной вспышки насилия в стенах Латвийского университета.

Латвийское государство еще не было признано де-юре ни одной страной мира, когда в конце 1919 — начале 1920 г. был выдвинут лозунг «Латвия для латышей!» (*“Latvija — latviešiem”*)⁴. Неслучайными в этой связи следует признать многочисленные эксцессы, допускавшиеся военнослужащими латвийской армии на отвоеванной у большевиков территории, вроде разграбления еврейских магазинов и лавочек в Фридрихштате (Яунелгава) летом 1919 г. и погромных явлений в Корсовке (Карсава) в январе 1920 г., причем покушению подверглось не только имущество граждан еврейской национальности, но и их жизнь⁵.

В самой Риге подобного рода беспорядки с участием военнослужащих вспыхнули 1—2 июня 1920 г. По данным полиции, рижских обывателей, главным образом евреев, терроризировала толпа человек в двести, выкрикивавшая: «Бей жидов!», «Бей социалистов!» и «Бей буржуев!», — что прекрасно характеризует социальный состав и настроения нападавших. Из Риги выступления антисемитского характера и погромной направленности перекинулись в провинцию: 6—7 июня беспорядки произошли в Двинске (Даугавпилс) и Режице (Резекне), причем военнослужащие Режицкого гарнизона присоединились к погромщикам⁶.

Примечательно, что в то время как еврейские депутаты Учредительного собрания⁷ потребовали отчета у министра внутренних дел, латышские политические и общественные деятели предприняли попытку переложить ответственность за случившееся на самих евреев. В пояснениях, опубликованных на страницах газеты *“Latvijas Kareivis”* («Воин Латвии»), тогдашний глава МВД Арвед Бергс, хотя и осудил беспорядки, «напоминающие самые темные стороны режима царской России», но тут же отметил, что, согласно широко распространенному мнению, причиной беспорядков послужило увлечение многих евреев спекуляцией⁸. В свою очередь писатель Янис Гринс списывал случившееся на сильное влияние русского антисемитизма, которому-де подверглись латышские беженцы во время Первой мировой войны, и на общий упадок общественной морали в период Гражданской войны в Латвии, и утверждал, что евреи сами виноваты в стремительном росте негативного отношения к себе из-за активного занятия спекуляцией, уклонения от мобилизации путем перехода в подданство несуществующих фактически государств — Белоруссии и Украины, и, наконец, из-за незнания латышского языка и употребления русского языка. «Говорите лучше по-белорусски, если на жаргоне (идише. — А. М.) не желаете. Русский мы только что перетерпели»⁹, — писал Я. Гринс.

Нашлись и те, кто в событиях 1—2 июня в Риге увидел повод для усиления ведшейся и прежде антисемитской агитации. Так, публицист Эрнест Бланкс заявил в газете *“Latvijas Sargs”* («Страж Латвии»), что евреи уже захватили Латвийское государство и «изгнали всех латышских торговцев и предпринимателей из их старых магазинов». О «еврейской угрозе» Бланкс, в числе других публицистов, писал и до войны. Теперь он пошел дальше, назвав евреев внутренними врагами-потрошителями, с которыми невозможна никакая совместная работа. «Мы государство строим, а вы его рушите... вы сидите на наших плечах, а мы несем»¹⁰, — писал Бланкс. Ему на страницах газеты *“Latvijas Kareivis”* вторил

некто К. Круминьш: «От борьбы с евреями культурными средствами мы все-таки не отказываемся и никогда не откажемся. Эта борьба развернется в полный бойкот еврейских капиталов, товаров, домов и т. д. и т. п. Да останутся двери еврейских магазинов неотворяемыми!»¹¹

Поощряемое и подталкиваемое латышскими шовинистическими кругами Временное правительство под руководством Карла Ульманиса (партия Латышский крестьянский союз), в свою очередь, подливало масло в огонь ксенофобских, особенно юдофобских настроений. 2 июля 1920 г. оно постановило выдворить из Латвии всех находящихся на ее территории иностранцев — «чуждые элементы», по терминологии того времени. Все иностранцы, не имевшие постоянного места жительства или работы на территории Латвии до 1 августа 1915 г., должны были выехать из страны до 1 августа 1921 г.¹² Это решение не было спонтанным, и выполнять его предполагали «со всей строгостью». Департамент прямых налогов Министерства финансов даже разослал налоговым инспекторам циркуляр, свидетельствующий о серьезности намерений власти: «На основании изданного правительством распоряжения от 2 июля с. г. всех иностранцев, которые въехали в Латвию после 1 августа 1915 г., 1 августа следующего года выдворят из Латвии. Принимая во внимание, что после этого распоряжения все заключенные с ними договоры теряют силу и что многие из них еще не уплатили военный налог на прибыль, процентный, штемпельный, торгово-промышленный и другие государственные налоги, Департамент прямых налогов просит Вас поручить полиции незамедлительно взыскать с указанных плательщиков еще не собранные суммы налогов и внести их в Госкассу»¹³. А латвийская пресса публиковала инструкции «Что могут брать с собою высылаемые иностранцы»¹⁴. Массового изгнания «чуждых элементов» все же не произошло, но уже само принятие такого решения породило антисемитские комментарии: «Из нашей среды будут изолированы паразиты и всякие негодяи»¹⁵.

Консолидация сил, для которых «еврейский вопрос» (“*žīdu jautājums*”) стал вопросом жизни и смерти, не заставила себя ждать. 2 июня 1921 г. пало правительство К. Ульманиса. Ничто не сдерживало теперь шовинистических устремлений Крестьянского союза — крупнейшей партии латышской буржуазии. Под лозунгом «Латвия для латышей» печатный орган Крестьянского союза газета “*Brīvā Zeme*” («Свободная Земля») развернула наступление на представительство меньшинств в правительстве: «В отношении участия инородцев в правительстве было бы ideally обойтись без них»¹⁶. 15 июня Крестьянский союз при поддержке отколовшейся от фракции Латвийской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП) группы Маргера Скуениекса сформировал правительство во главе с З. А. Мейеровицем.

Как отмечает А. Странга, первая открыто антисемитская политическая программа появилась не в среде политических маргиналов, а в правящем Крестьянском союзе¹⁷. Сформулировал ее в статье под названием «Еврейский вопрос» редактор “*Brīvā Zeme*” Эдмунд Фрейвалдс. Он призвал к созданию национального фронта, который объединил бы все латышские политические партии и все национальные меньшинства, кроме евреев, для достижения более «энергичного отмежевания общества от жидов». «Против этой нации должны выступить прочие меньшинства», — заявил Фрейвалдс. Он также выдвинул лозунг о снижении «процента жидов» в составе населения до 2—3 %, причем

«освободиться» следовало прежде всего от *Ostjuden*¹⁸ — «самой опасной части евреев». «Латвия не должна стать благоприятной базой для жизни жидовского меньшинства»¹⁹, — утверждал тогдашний идеолог Крестьянского союза.

Агитация в этом духе продолжалась не только в органе Крестьянского союза, но и на страницах поддерживавшей группу Скуениекса газеты “*Darba Balss*” («Голос труда»). В статье «Евреи в Латвии» Скуениекс писал, что «большинство евреев в Латвии лишние, и продуктивная (*sic!*) часть жителей по этой причине возражает против них»²⁰. Антисемитизм М. Скуениекса уступал только его русофобии. Скуениекс и евреев-то порицал за пристрастие к русской культуре — те же привносят в Латвию «чуждое и неприятное настроение» и делают это «не потому, что они евреи, но потому, что они по своей культуре русские... и в большинстве своем стоят на расстоянии многих миль от идеи латвийской государственности и устремлений большинства народа Латвии»²¹.

Ульманисовская “*Brīvā Zeme*” не замедлила восславить «продление антижидовского фронта нашими социал-демократами-меньшевиками». Но национальные меньшинства Латвии на призыв двух правящих партий не откликнулись, поскольку у каждого из них имелись серьезные претензии к спешившему стать более латышским государству. Напротив, очень рано наметилась тенденция к кооперации усилий представлявших нацменьшинства политиков и общественных деятелей в отстаивании общих для них интересов в сфере экономики, образования и культуры. Так, лидер прибалтийских немцев Пауль Шиман, выступая в 1921 г. на Венском конгрессе национальных меньшинств, заявил даже, что евреям, русским и немцам в Латвии следует держаться вместе и заключить «оборонительный союз»²².

Любые проявления единодушия и солидарности латвийских национальных меньшинств беспокоили латышские шовинистические круги. Но попытки расколоть меньшинства быстро распознавались и разоблачались в прессе²³. «Всякие попытки, вроде отмечаемой атаки “*Brīvā Zeme*”, к внесению в среду меньшинств раскола надо рассматривать как провокационные выходы с целью добиться возможности расправиться с каждым меньшинством в одиночку. А в том, что в данном случае задумана расправа, на первый раз с еврейским меньшинством, сомневаться не приходится», — писал Яков Иосифович Брамс²⁴, издатель «Сегодня» — крупнейшей ежедневной газеты в Латвии на русском языке²⁵. Тут же Я. И. Брамс указывал на экономическую природу латышского антисемитизма, видя ее в страхе перед еврейской конкуренцией.

Русские в силу меньшей экономической и политической активности, а также по причине отсутствия поддержки со стороны влиятельных международных организаций и исторической родины вызывали меньшее раздражение у латышских шовинистов, чем прибалтийские немцы и евреи, но для начала 1920-х гг. характерен рост отчуждения между латышами и нелатышами вообще. В то же время в направленных против меньшинств позициях доминировали именно антиеврейские настроения²⁶.

В публичном пространстве стали выражаться сомнения относительно расовой полноценности евреев²⁷. В декабре 1921 г. начала выходить газета “*Tautas Balss*” («Глас народа»), которую издавал крупный домовладелец Янис Давис. Он первым стал пропагандировать на латышском языке идею мирового еврейского заговора, орудием которого в Латвии объявил Латвийскую социал-демократическую рабочую партию (ЛСДРП). Давис перевел на латышский язык и опублико-

вал «Протоколы сионских мудрецов»²⁸. Ярыми пропагандистами антисемитизма выступали и другие, куда более тиражные издания. Их дружные усилия находили живой отклик в читательских массах.

Предпосылки беспорядков в Латвийском университете

Латвийская республика — результат борьбы и взаимодействия многих внутренних и внешних сил. Молодое общество с мозаичной сословно-классовой и национальной структурой, с унаследованным от прошлого противостоянием консервативных и демократических тенденций, с несложившимся еще, разоборченным правящим классом, пасующим перед народной стихией, а тем более перед организованным рабочим движением, могло принять только такую форму политического устройства, которая не давала бы решающего перевеса ни одной из сторон и при этом осложняла бы для участников политического процесса возможность перекроить наспех составленный и никого не устраивающий в полной мере общественный договор. Такой формой явилась для Латвии парламентская республика. Однако, будучи вынужденным компромиссом, она не закрепляла его, а, напротив, открывала простор для перманентных атак (особенно справа) с целью пересмотра достигнутого ранее соглашения. Частые политические кризисы были, с одной стороны, следствием сложившегося на рубеже 1920-х гг. неустойчивого политического равновесия. С другой стороны, они фиксировали текущие изменения или оказывались результатом попыток, предпринимаемых в этом направлении.

15 февраля 1922 г. Учредительное собрание почти единогласно проголосовало за проект конституции, в обсуждении которого активно участвовали представители всех партий и направлений, включая лично А. Бергса и М. Скуениекса. «...Западные демократические принципы в 1920—1921 гг. были столь определяющими в Латвии, что не только либеральный Крестьянский союз, но также и консервативные группы — бергисты и христианские националисты присоединились к всеобщим демократическим правилам государственного устройства»²⁹, — подчеркивал годы спустя член конституционной комиссии Учредительного собрания, председатель подкомиссии по государственному устройству Феликс Циеленс. Однако, по его же свидетельству, нападки на конституцию справа начались вскоре по ее принятии: «...Арвед Бергс, который был официальным референтом по демократической временной конституции, участвовал в окончательном определении конституции и сам за нее проголосовал, только несколько месяцев спустя, услышав рычание фашистского диктатора Муссолини против демократии, начнет дудеть в своей газете, что латвийская демократическая конституция не идет»³⁰.

Едва ли не главной претензией правого лагеря к конституции служили закрепленные в той права национальных меньшинств, гарантии их активного участия в политической, экономической и культурной жизни страны. Поднятая шовинистическими кругами оголтелая националистическая кампания служила рычагом для смещения центра политической тяжести вправо. Поднимая шовинистическую волну, нагнетая ультра националистические настроения в обществе, правые латышские партии рассчитывали путем волеизъявления избирателей получить контроль над парламентом — Сеймом. Первые парламентские выборы должны были состояться 7—8 октября 1922 г.

Тактика правых сил заключалась в возбуждении части латышского студенчества против обучавшихся в Латвийском университете студентов-нелатышей с целью радикализировать общество. Газета “*Latvijas Sargs*” стала запугивать латышскую студенческую молодежь перспективой ассимиляции меньшинств, главным образом евреев. Дескать, меньшинства, которых очень много в высшей школе, могут постепенно научиться латышскому языку и полюбить латышскую культуру, что представляет собою серьезную опасность для латышского народа, потому что в таком случае меньшинства сумеют конкурировать с латышами и на культурной почве, войти в латышскую общественную жизнь, в печать, на государственную службу и т. д. Для борьбы с этой «опасностью» газета предлагала ввести в Латвийском университете процентную норму для представителей национальных меньшинств³¹.

В связи с этим депутат Учредительного собрания профессор Макс Лазерсон³² писал: «Элементы, которые проповедуют такие начала, как “*Latvijas Sargs*”, меньше всего имеют в виду интересы государственности. Их мечты направлены не к примирению междунациональных отношений в Латвии, а к весьма простому зоологическому идеалу, откровенно провозглашенному: чтобы число евреев — подданных Латвии, превосходящее 70 000, превратилось в число, равное кучке эстонских или финляндских евреев»³³.

Несмотря на все усилия «патриотической» печати, правым латышским партиям не удалось завоевать на выборах стабильного большинства голосов. И это направило дальнейшие усилия поборников «латышской Латвии» в сторону применения внепарламентских средств давления. Сила, готовая к ним прибегнуть, к этому времени уже появилась. Первая организация, поставившая перед собой цель реального вытеснения евреев из экономической, политической, общественной и культурной жизни, — *Latvju Nacionālais Klubs* («Латышский национальный клуб», ЛНК), — возникла 29 августа 1922 г.

Латышский национальный клуб

Появление ЛНК было встречено неоднозначно: одни рукоплескали, другие — предостерегали. «Мы не раз уже указывали на необходимость в национальной политике. Не раз мы призывали, протестовали и апеллировали к национальному государственному сознанию нашего правительства. Это не помогло. В школьном деле, в области государственной жизни, в обществе, в хозяйственной и культурной жизни Латвии — везде чувствуется печать других народов. Политические и экономические силы меньшинств все более вырастают за счет латышского народа. И если правительство или законодательные инстанции не могут или не желают положить этому конец, то тогда общество должно сказать свое слово. Правительство не прислушивалось к голосу нашей печати. Поэтому необходимо образовать сильную организацию, которая будет оказывать давление на правительство не только словами, но и делом. <...> Пока латышский фашизм сформируется согласно своей своеобразной тактике, до тех пор должно быть обращено самое большое внимание на рижский национальный клуб», — писала газета “*Latvijas Vēstnesis*” («Вестник Латвии»)»³⁴.

Орган ЛСДРП газета “*Sociāldemokrāts*” («Социал-демократ») без обиняков заявила: «Латвийские фашисты организуются»³⁵. В свою очередь газета «Сегодня», назвав создателей и участников ЛНК «латышскими активными националистами», выразила беспокойство относительно легальности предстоя-

щей активности организации: «Какой смысл имеет программа клуба? Формы общественного давления на власть установлены нашей конституцией и законами, это давление производится в Сейме, в самоуправлении, в печати и собраниях. По-видимому, речь идет не об этих формах, а о каких-то других...»³⁶

Симптоматично употребление слов «фашизм» и «фашисты» в связи с возникновением ЛНК. Лето 1922 г. — период резкого подъема основанного и возглавляемого Бенито Муссолини фашистского движения в Италии, когда число членов фашистской партии достигло 470 тыс. Осенью того же года, к моменту захвата власти, оно приблизилось к миллиону человек³⁷. Неудивительно, что на ЛНК смотрели под этим углом зрения, тем более что один из основателей клуба, Янис Озолиньш, слыл большим поклонником итальянского фашизма и его вождя³⁸.

Политическая полиция также рассматривала возникновение ЛНК в контексте зарождения в стране фашистского движения. «У фашистского движения в Латвии еще нет определенно организованного характера. Многие лица, ведомые отчасти личным честолюбием, отчасти глубокой убежденностью, пытаются объединить для этих целей единомышленников. Эти организации уже с весны формируются под разными названиями, такими как: “*Latvijas kareiviska sporta biedriba*” («Латвийское военно-спортивное общество»), “*Tēvijas aizsardzības biedriba*” («Общество защиты отечества»), которые имеют военизированный характер, и “*Nacionālais klubs*” («Национальный клуб») — при Союзе национальной молодежи. Это самая молодая, а также самая слабая организация, поскольку возглавила ее довольно ограниченная и маловлиятельная личность — профессор Озолиньш и студент Круминьш из Министерства внутренних дел (немаловажная деталь. — А. М.), — указывалось в анонимном сообщении политохранки³⁹ «О фашистском движении в Латвии и возможных вождях движения»⁴⁰. Отметив, что ЛНК возник «под впечатлением итальянского движения», автор относящегося к 1922 г. сообщения не смог правильно оценить потенциал клуба: «У этой организации более теоретический, нежели практический характер, почему с нею можно не считаться»⁴¹.

Современная латышская историография предпочитает говорить об «активных латышских националистах»⁴², но тот же А. Странга справедливо полагает, что «активным национализмом» можно назвать любую националистическую деятельность — политическую, культурную или идеологическую, которая все же не ведет к насилию, поскольку «почти каждый национальный политик может быть активным»⁴³. На наш взгляд, и по своей идеологии, и по методам ЛНК и подобные ему организации, а их было немало, полностью подпадают под определение фашистских.

Сами основатели ЛНК считали возникновение организации велением времени, событием, подготовленным всем ходом предшествующего развития⁴⁴. Основой латышского «активного национализма» стали антисемитизм и ксенофобия, порожденные противоречиями эпохи бурного капиталистического развития Прибалтийского края во второй половине XIX — начале XX в. и осложненные рядом местных особенностей. Напротив, утверждение автора монографии о латышском «активном национализме» Улдиса Креслиньша, что «первоисток формирования активного национализма связаны с Первой мировой войной и порожденными ею процессами»⁴⁵, представляется кокетливой попыткой уменьшить возраст явления.

В полном соответствии с фактами и логикой исторического развития советский автор Вилис Самсонс писал, что «генеалогическая линия экстремистского

латышского национализма зарождается в последней четверти XIX в., когда латышская буржуазия стала консервативной, а в первой четверти XX в. превратилась уже в контрреволюционную силу»⁴⁶. По его словам, ЛНК «использовал в гиперболизированном виде уже готовые тезисы латышского шовинизма, антикоммунизма и антисемитизма»⁴⁷. В. Самсонс полагал также, что латышский фашизм имел два основных направления. Странники первого, представленного малочисленными, но скандальными партиями и группировками, «открыто называли себя фашистами и охотно эксплуатировали крайне экстремистские лозунги итальянских фашистов и немецких национал-социалистов». Второе направление представлял Крестьянский союз, который по тактическим соображениям «воздерживался от крайностей» и движение к диктатуре скрывал под прикрытием реформы конституции⁴⁸.

На наш взгляд, подобное разделение описывает лишь внешнюю сторону взаимоотношений между двумя указанными течениями. Есть основания думать, что Латышский национальный клуб пользовался поддержкой Крестьянского союза до тех пор, пока деятельность ЛНК способствовала реализации собственных политических видов вождей крупнейшей партии латышской буржуазии.

Шовинистическая агитация в студенческой среде

Основанный 29 августа и зарегистрированный 15 ноября 1922 г. Латышский национальный клуб избрал полем деятельности грубое насилие и физический террор против евреев и социал-демократов. Главную ставку ЛНК делал на активное участие студенческой молодежи. Пропагандировать идеи ЛНК в студенческой среде принялась еженедельная газета “*Students*” («Студент»). Это издание называло себя «газетой академической жизни», но на деле являлось органом «активных националистов», их опорным пунктом в Латвийском университете⁴⁹. В 1920—1930-е гг. Латвийский университет служил настоящим рассадником антисемитизма и расизма.

Первый номер “*Students’ a*” вышел 25 сентября 1922 г. — через месяц после создания ЛНК, за месяц до первых парламентских выборов в Латвии и за два месяца до очередных выборов в студенческий совет университета. В качестве редакторов-издателей газеты выступили Карлис Брандтс и Карлис Упеслея. Они же в основном, то под псевдонимами, то под своими именами, заполняли полосы нового издания. С первых же номеров “*Students*” взялся популяризировать теорию и практику «активного национализма».

“*Students*” хотел (и заявлял об этом открыто) объединить вокруг себя «всех латышских учащихся, независимо от их религии, взглядов или политических убеждений, независимо от их принадлежности к той или иной студенческой группе или организации»⁵⁰. Обращает на себя внимание определение «латышская» в применении к «учащейся молодежи», будить которую планировал “*Students*”, и отсутствие национальности в перечне тех категорий, различать которые в своих читателях он (хотя бы на словах) отказывался.

О социальном происхождении издателей “*Students’ a*” и его аудитории свидетельствуют слова, с которыми обратился к первокурсникам подписавшийся псевдонимом “*Uja*” К. Упеслея: «Мы рады видеть в своей среде снова сотни юношей, которые оставили свои возлюбленные дворы, поля, леса и пришли сюда черпать знания». Более опытный старший товарищ предостерегал их: «Присваивая

чужую мудрость и из уст чужих народов помни одно — пригодится ли эта мудрость нам и не разворошит ли она латышско-народный дух и обычаи, поскольку не всякая мудрость чужака вам пригодится»⁵¹.

В первом же номере другой редактор-издатель “*Students’ a*” К. Брандтс под псевдонимом “*Stud. K. B.*” и прикрытием рассуждений о «вечных вопросах», «объединяющем, главном принципе», «всеохватывающей высшей ценности» и «аксиоме общественной и национальной жизни» утверждал, что было бы «нелепо формировать латышское духовное лицо по подобию теорий иноземных мыслителей». «Перенесение идей и взглядов из Европы в Латвию и их слепое копирование в наших условиях ничего хорошего принести не может. Напротив: этим мы себя уничтожим и унизим, этим мы, как путами, связываем свою идеологическую мысль и самостоятельность»⁵², — предусмотрительно осуждал Брандтс сплеменников от «оков» западной гуманистической и либеральной мысли.

“*Students*” открыто выражал негативное отношение к еврейским студентам, откровенно издеваясь над слабым знанием теми латышского языка, внешними особенностями и политическими взглядами некоторых из них. В первом же номере в рубрике «Черная доска» появились две заметки: «Возможно ли это?» и «Требуются переводчики!». «Из достоверных источников сообщают, что студент экономического факультета жид Иоэльсон, который арестован как член коммунистического клуба и сидит в Центральной тюрьме, освобожден от платы за обучение. Так как упомянутый жид-коммунист без работы, не будет ли возможным также выдать [ему] стипендию? Для успешного продолжения учебы в уже упомянутой “высшей школе”?), — говорилось в первой из них. В другой высмеивались незнающие латышский язык евреи — «многие национальные студенты университета с известными признаками (с кривыми носами, запахом чеснока и национальными головными уборами на одном ухе)»⁵³. Чтобы подчеркнуть «связь» между евреями и коммунизмом, “*Students*” тщательно отслеживал и писал о таких фактах, как арест и наказание еврейских студентов за приобретение и хранение нелегальной коммунистической литературы с обязательным указанием: «жид студент Эйханан», «жидовка Татьяна Михлинь»⁵⁴.

Издателей и авторов “*Students’ a*” тревожила предстоящая конкуренция с представителями национальных меньшинств на рынке труда, в первую очередь при занятии государственных должностей. В третьем номере “*Students’ a*” (4 октября 1922 г.) был помещен «для обсуждения» материал К. Эзерса «Кое-какое слово о кое-каких явлениях», в котором трактовалось о «слабых, нерадивых, пугливых и враждебных идее Латвии элементах», которые, в то время как «самые образованные и лучшие сыны народа находились в армии», группировались в госучреждениях «под маской различных “специалистов”» без настоящего высшего образования, ухитрились «занять высокие места в госаппарате», стали красть государственное имущество, в большинстве своем вышли «сухими из воды» и в целях стабилизации своего положения «прилепились к той или иной доминирующей политической группе», а теперь препятствуют приему на работу в госучреждения образованных людей. «Среди них мы видим не только одних латышей, но и разных инородцев»⁵⁵, — очерчивал К. Эзерс круг проблемы. Читателей “*Students’ a*” он страшил перспективой безработицы или низкооплачиваемой работы вне госаппарата.

Страх остаться по окончании учебы без доходного места питался чрезмерной, по мнению «национальных студентов», численностью в Латвийском уни-

верситете студентов-нелатышей, особенно евреев. В первый год работы университета — 1919/20 учебный год — доля нелатышей среди студентов составляла 24,9 %, что примерно соответствовало доле национальных меньшинств в составе населения Латвии. Правда, в массе своей это были студенты еврейской национальности (21,8 %), что и создавало видимость засилья в университете «инородцев» (“*cittautieši*”)⁵⁶. Причем на механическом факультете евреи преобладали над латышами (29 и 18 % соответственно), а на химическом были представлены в равной пропорции (36 и 36 %).

Дабы переломить эту тенденцию, в августе 1920 года руководство университета ввело вступительный устный экзамен по латышскому языку для нелатышей. Сделано это было вопреки общепризнанному тогда в академическом мире принципу, согласно которому университет открыт перед каждым, у кого имеются достаточные для обучения интеллектуальные и материальные ресурсы, а единственным критерием отбора является наличие аттестата об успешном окончании среднего учебного заведения и квитанции о внесении платы. Данные о результатах экзамена отсутствуют, но несоответствие числа поданных «инородцами» заявлений на поступление в университет числу реально принятых (33 и 21 % соответственно) указывает на то, сколь действенным орудием отсева «чуждых элементов» явилась проверка по латышскому языку⁵⁷.

Достигнутые результаты, однако, не удовлетворили ни администрацию, ни «национальных студентов». Доля латышских студентов среди вновь принятых выросла до 78,5 %, но и процент «инородцев» оставался на высоком, по мнению ревнителей латышскости, уровне. Доля евреев среди вновь принятых студентов упала до 14,4 %, но и такое их представительство казалось чрезмерным. Впоследствии национальный состав студенчества не претерпел радикальных изменений. По состоянию на 17 октября 1922 г. из 5216 студентов Латвийского университета латышей было 4213 человек (80,1 %), евреев — 622 человека (11,98 %), немцев — 256 человек (4,9 %), русских — 80 человек (1,5 %), прочих — 45 человек (0,9 %)⁵⁸. Таким образом, евреи доминировали среди студентов-нелатышей, и еще более заметным, чем в целом по университету, было их представительство на химическом (26 %), механическом и медицинском (по 19 %) факультетах.

У «национальных студентов» этих и ряда других факультетов перспектива конкуренции со своими нелатышскими товарищами вызывала приступы паники. «Латвийских студентов больше всего мучает безработица и бедность. <...> Общество и государство мало что делали в этом деле, поэтому самим студентам нужно браться за улучшение своего положения. <...> Новому совету (приближались выборы студенческого совета. — А. М.), который соберется через месяц, нужно начать решать этот вопрос позитивно», — писал К. Упеслея уже под своим именем в 10-м номере “*Students’ a*”⁵⁹.

В том же 10-м номере были опубликованы предвыборные студенческие списки, причем вышедший из тени псевдонимов Упеслея красовался на почетном третьем месте в списке № 8 Латышского национального студенческого объединения (“*Latvju Nacionālo Studentu Apvienība*”) наряду с Индрикисом Поне, одним из лидеров Латышского национального клуба. На той же полосе было опубликовано сообщение о том, что 15 ноября Окружной суд зарегистрировал Латышский национальный клуб и что тот начинает широкую деятельность в Латвии. Де-факто Латышское национальное студенческое объединение являлось студенче-

ской секцией ЛНК, а еженедельник “*Students*” — проводником его шовинистической агитации в стенах Латвийского университета.

«На праздник государственной независимости ЛНК выпустил воззвание под девизом “Всё за Латвию!” (“*Visu par Latviju!*”). В сильно написанном воззвании был упомянут также наш у[ниверситет]. Это место здесь выписываем: “Терпимость к привилегиям национальных меньшинств и несоблюдение интересов народного большинства Латвии приняло у нас почти эпидемический характер. Иностранцы продолжают протискиваться в наши национальные высшие школы, которые все не могут и не могут перейти на латышской язык обучения...”», — писал “*Students*”⁶⁰.

Со следующего, 11-го, номера “*Students*” стал громкогласно эксплуатировать тему латышского национализма как ведущего фактора современности, как идеи, пренебрегать которой в «практической жизни» было бы «преступлением против нашего народа и нашего молодого государства». «Нам нужна ясность в том, что национальный принцип должен стоять на первом месте, так как Латвия — национальное государство, как таковое она возникла и только таким она может существовать», — писал в редакционной статье Упеслея. Интернационализм он, напротив, объявлял «практическим абсурдом», наследием прошлого, когда «мы находились под игом чужеземных народов» и, следовательно, злом, с которым следует бороться. Латышам, что «перешли в лагерь интернационалистов», Упеслея ставит в пример «убежденных националистов, горячих патриотов», а первоочередной задачей называет преодоление «недостатка ярких проявлений национализма» и создание «определенной, жесткой системы» его внедрения. «Здесь Латвийский университет, и, кто хочет в нем учиться, тому нужно знать также и государственный язык», — утверждал Упеслея, уязвленный игнорированием, как ему казалось, латышского языка со стороны «известной группы учащихся». «Здесь нам нельзя руководствоваться никакими принципами солидарности, коллегиальности, знакомства и т. д. <...> Латыши как большинство могут добиться того, чего хотят. И нам нужно этого добиться, если мы не хотим остаться ничтожными и свою задачу невыполнившими. <...> Мы не должны допустить, чтобы какие-то суррогаты национальностей попирали ногами наши латышские святыни. Мы должны протестовать. Национальный университет должен быть латышским как внутренне, так и наружно», — подстрекал он⁶¹.

В этом номере “*Students*’a” появилась предвыборная реклама студенческих списков, стоявших на шовинистической платформе, — трех из одиннадцати: № 1 — «Объединенный центр латышских студентов» (“*Latviešu studentu apvienots centrs*”), от которого в студенческий совет шел К. Брандтс; уже знакомый нам список № 8 с К. Упеслеей на третьем месте и сателлитный двум первым список № 10 — «Объединенные студенты-крестьяне» (“*Apvienotie Studenti-Zemnieki*”).

Особого внимания удостоился список № 10. «С одной стороны, наш земледельческий народ учит занесенный из Германии и России социальный раскол, который теперь неестественно разжигают вожди социал-демократов... Во-вторых, у нас нет глубокой, самими созданной культуры, дальнейшее самостоятельное развитие которой рядом с русской и немецкой культурами не обеспечено. Поэтому латышам нужно создать в своей стране такое жизненное образование, которое не смогли бы потрясти ни просто хозяйственные заборы, ни более высокая культура чужих народов. <...> Ближайшие цели объединения — выпячива-

ние всего латышского в нашем университете...», — писал “*Students*” от имени «студентов-крестьян»⁶².

Запоздалым ответом на агитацию “*Students*’а” в студенческой среде стал еженедельник “*Studentu Domas*” («Студенческая мысль»), первый номер которого вышел 23 ноября 1922 г. “*Studentu Domas*” оценивал ситуацию с присущих социал-демократам классовых позиций. Подводя итоги работы студенческого совета, издание также отмечало материальные трудности части студенчества, но подчеркивало отсутствие у совета интереса к выяснению реальной ситуации, что объясняло господством в органе студенческого самоуправления «центристов» и корпорантов⁶³: «Этим господам, большинство которых вышло из среды дворохозяев, зажиточных арендаторов и высших чиновников, неприятно показывать свои пышные доходы». Покритиковав корпорантов в вопросе организации работы студенческой кухни и книжной лавки, “*Studentu Domas*” обвинил большинство совета в узурпации прав студентов и оголтелом национализме. «В плане воспитания культурного человека культивируются животные инстинкты, которые снова во всей полноте проявились как на одном, так и на другом собрании избирателей (очевидно, «центристов» и корпорантов. — *А. М.*)», — подводил итоги еженедельник, призывая голосовать на предстоявших 3 декабря выборах за список студентов-прогрессистов⁶⁴.

Между тем «животные инстинкты» пользовались спросом. О восприимчивости студенческой среды к призывам шовинистов свидетельствуют результаты выборов 3 декабря. Три списка, за которые агитировал “*Students*”, получили в студенческом совете относительное большинство. За них проголосовало около 40 %: к 1138 голосам, поданным за список № 1 («центристы»), фактически прибавились голоса, отданные в поддержку «националистов» и «студентов-крестьян» — списки № 8 (223 голоса) и № 10 (86 голосов). Всего в выборах в студенческий совет приняли участие 3829 человек, или около 74 % от всей массы студентов Латвийского университета. С учетом внесенных в списки исправлений, что предусматривалось регламентом выборов, эти три списка получили 16 мест (12+3+1) в 40-местном совете⁶⁵. Оба редактора-издателя “*Students*’а” были избраны. К этим достижениям следует прибавить 798 голосов и девять мест в совете, которые получил на выборах список № 4 «Объединенные латышские корпорации». Таким образом, «центристы», усиленные «националистами», и корпоранты сохранили за собой абсолютное большинство в студенческом совете.

Однако “*Students*” не стал трубить о победе. Подводя 6 декабря предварительные итоги выборов, издание обратило внимание на возросшие активность и кооперацию меньшинств: «В этом году жида активнее всего участвовали в голосовании и поэтому от жидов избраны пять представителей. В избирательную комиссию поданы два сообщения об объединении части [голосов] между группой Линдиньша и жидами-“бундовцами”. <...> Второе объединение — между немцами и русскими — дает русским своего кандидата»⁶⁶.

От меньшинственных студентов в выборах участвовали два еврейских списка (№ 5 и № 11), один немецкий (№ 6) и один русский список (№ 9). 217 голосов и два места в совете получили немецкие студенты. Поделившуюся с «бундовцами» голосами «группу Линдиньша» — список № 7 «Блок трудового студенчества» (“*Darba studentības bloks*”), интернациональный по своему составу, — поддержали 207 человек, что принесло ей также два места в совете. Левые социал-демократы (список № 3 — «Объединенный прогрессивный студенческий блок») с 394

голосами провели в совет четырех представителей. В свою очередь правые социал-демократы (список № 2 — «Демократически-прогрессивное объединение студентов»), заручившись 91 голосом, получили одно место в совете⁶⁷.

Голосование прошло почти без инцидентов. Разве только Упесляз обзвал членов избирательной комиссии «свиньями» за то, что дежуривший возле урны студент хотел поставить в его матрикулу⁶⁸ штампель с отметкой о голосовании не так, как считал нужным соредатор “*Students’ a*”. По этому поводу был составлен протокол и появилась обиженно-обличительная заметка в “*Students’ e*”⁶⁹.

Но не результатами выборов в студенческий совет была в те дни увлечена студенческая молодежь Латвии и тем более широкая публика. В стране тлел затянувшийся с лета правительственный кризис. Коалиция не выстраивалась. Фракции центра вели казавшиеся бесперспективными переговоры с социал-демократами. Крестьянский союз выжидал и, может быть, даже ждал чего-то экстраординарного, что качнуло бы чашу весов в его пользу. Студенческие беспорядки были ему только на руку.

Экцессы в Латвийском университете и за его пределами

Беспорядки начались в пятницу, 1 декабря 1922 г., в главном здании Латвийского университета с нападения латышских студентов на студентов механического факультета еврейской национальности. Тех оскорбляли («Все жида вон!»), били и спускали с лестницы⁷⁰. При попустительстве ректора Эрнеста Фельсберга эксцессы продолжились в понедельник, 4 декабря, пока еще в здании университета, а 6 декабря насилие выплеснулось на улицы Риги. Полиция, казалось, не бездействовала. Министр внутренних дел — представитель Крестьянского союза Альберт Квиесис даже издал 8 декабря предостережение «некоторым буянам» и «господам студентам», в котором угрожал тем и другим применением огнестрельного оружия⁷¹, однако вспышки насилия продолжались вплоть до 14 декабря. Таково краткое описание взорвавших общественное спокойствие событий. О подробностях писала тогдашняя пресса.

«В связи с выборной компанией в студенческий совет в последние дни в университете царил напряженный настрой, которое вылилось в ряд эксцессов. В четверг произошло столкновение между латышами-прогрессистами и другими группами, причем собрание прогрессистов было насильственно приостановлено. Ввиду повышенного настроения университетская администрация распорядилась отменить назначенное на пятницу собрание евреев-прогрессистов. Тем не менее группой студентов, собравшихся с целью воспрепятствовать этому собранию, был допущен ряд насилий, направленных против студентов-евреев. В связи с этими прискорбными инцидентами депутаты Сейма Фишман и Лазерсон обратились к представителям учебной и высшей общей администрации, причем получили заверения, что эксцессы носили внутренний академический характер и что приняты все меры для успокоения страстей», — писала 2 декабря газета «Сегодня»⁷².

Самим жертвам насилия характер эксцессов не показался академическим. 4 декабря совещание всех еврейских студенческих организаций уполномочило Кассу взаимопомощи студентов евреев при Латвийском университете от имени всего еврейского студенчества обратиться к ректору с письменным заявлением «по поводу событий последних дней». 5 декабря это было исполнено. В заявле-

нии утверждалось, что «выступления части студентов 1 декабря носили явно антисемитский характер», а также выражался «категорический протест» против насилия и издевательств на национальной почве. Заявители потребовали учреждения паритетной комиссии для расследования происшедшего, привлечения виновных к ответственности и принятия мер, способных предотвратить «подобные явления» в будущем⁷³.

Со своей стороны ректор почел за лучшее передать дело студенческому суду с участием представителя кассы и это свое решение мотивировал тем, что конфликт носит внутрестуденческий характер. Разумеется, это не могло удовлетворить еврейских студентов, и те письменно обратились за поддержкой и защитой к депутатам Сейма⁷⁴.

С негодованием о действиях «национальных» студентов писала и левая латышская пресса. «В последние дни в высшей школе совершались прежде неслыханные, постыдные дела. Корпоранты и другие “национальные” студенты, организованные в банды, срывали многие предвыборные собрания прогрессивных студентов, ораторы и участники собраний избивались, совершалось насилие, которое свидетельствует о нетерпимости к инакомыслию, даже больше — о попрании человеческих прав сограждан. Все это увенчалось преследованием и избиением студентов-евреев. Организованные банды драчунов вырывали еврейских студентов из аудиторий, избивали до крови и после этого раздетыми вышвыривали на улицу. <...> Латышизация высшей школы с [помощью] еврейских погромов не только нелепа по своей цели, но — нетерпима, недопустима в правовом государстве. <...> Еврейские погромы в высшей школе могут оправдывать только подражатели Муссолини, каковые, к сожалению, в большом числе встречаются среди «национальной» молодежи и ее покровителей, вроде Арведа Бергса и ему подобных», — писала, в частности, “*Studentu Domas*”⁷⁵. Газета «с презрением» отмечала факт бездействия администрации университета, которая не только никого не наказала, но и не нашла ни одного виновного.

В свою очередь “*Students*” отстаивал правоту «национальных студентов». В номере от 6 декабря анонимный автор возражал «жидовской прессе», а также латышскому “*Sociāldemokrāts’y*”, которые «хулят» Латвийский университет, «увидев [там] еврейские погромы и другие ужасы»: «Это неправда. А состоялись многочисленные шумные предвыборные собрания, на которых разные ораторы всячески клеветали на латышских студентов и их деятельность в прежнем Студ[енческом] совете, встретили горячий протест со стороны слушателей, за что упомянутые ораторы публично обзывали слушателей “зоопарком”, “скандалистами” и т. д. И хотя жидовским студентам было запрещено устраивать собрание, все же они хотели устроить собрание на своем жаргоне (так “убежденные националисты” и “горячие патриоты” называли идиш. — А. М.), а когда лат[ышские] студ[енты] этого не допустили и попросили покинуть помещения у[ниверситета], те начали нападать на латышских студентов со скамьями и кинжалами, а когда это не помогло, распустили по всему городу слухи, что в университете произошел еврейский погром. Теперь, как уже бывало не раз, недоброжелатели нашей страны подняли большой шум из ничего»⁷⁶.

При попустительстве администрации университета и властей предрержащих «яркие проявления национализма» вышли на улицу. Попытка руководства университета замять дело провалилась. Под влиянием критики со стороны левых социал-демократов как в прессе, так и в парламенте Фельсберг вынужден был

пообещать (только пообещать), что «события будут расследованы, а виновные наказаны» («Сегодня», 7 декабря 1922 г.). Но джина легче было выпустить из бутылки, чем запереть обратно. Вечером 7 декабря «национальные» студенты попытались сорвать санкционированное властями собрание, устроенное еврейской студенческой организацией «Ганицауц» в помещении Еврейской консерватории⁷⁷, располагавшейся по соседству с Латвийским университетом.

«Ко времени начала собрания вокруг здания консерватории собралась толпа, состоящая преимущественно из студентов, членов латышских корпораций. Многие из них были вооружены палками. По распоряжению властей небольшой полицейский отряд, дежуривший у места собрания, был значительно усилен. Полиции удалось очистить район, прилежащий к зданию консерватории, от агрессивно настроенной толпы. Последняя рассеялась по соседним улицам, причем ею избивались проходящие евреи. Насчитывается несколько раненых. Полицейским отрядом во главе с помощником префекта Симановичем, по окончании собрания студентов евреев, было оказано содействие участникам собрания, которые получили возможность беспрепятственно разойтись», — сообщила «Сегодня» 8 декабря.

По-видимому, неудача у стен Еврейской консерватории только подзадорила молодчиков. «После того как полиция рассеяла группы бесчинствовавших молодых людей, собравшихся у помещения, где происходило собрание еврейских студентов, на центральных улицах были произведены отдельные нападения на евреев. Многие были избиты. Было несколько случаев требования предъявления паспортов к лицам, похожим на евреев. Около 11 час[ов] вечера толпа хорошо одетых молодых людей остановила сани, в которых сидел митавский фабрикант А. Гофф, сбита с него шляпу и нанесла побои. В тот же вечер группы молодых людей обходили помещения кинематографов, увеселительных заведений и т. д., откуда насильно удаляли находившихся там евреев. Группа молодых людей захотела проникнуть в помещение Русской Драмы, но не была допущена администрацией. При выходе из Драмы после спектакля многие евреи подверглись оскорблениям. Вчера утром около 20 молодых людей явились в Лотто-клуб “Пале-Рояль”, где нанесли побои еврею Ульману. Виновные были задержаны, и на них полицией составлен протокол. Ночью на улице были видны усиленные полицейские отряды, не допускавшие сборищ. Вчера в здании университета было разбросано несколько летучек с призывом в половине третьего вновь приступить к насилиям над студентами-евреями. Предупрежденные об этом студенты-евреи в университет явились в весьма небольшом количестве, причем немногие явившиеся по требованию студентов-корпорантов, которые ссылались на постановление отдельных латышских корпораций о недопущении студентов-евреев в здание университета, вынуждены были покинуть здание университета. <...> Вчера господина министра внутренних дел Квесиса посетили депутаты Сейма: Фишман, Нурок и Дубин. В беседе, между прочим, был затронут вопрос о последних эксцессах. Госп[один] министр заверил депутатов, что будут приняты самые энергичные меры, чтобы впредь порядок не нарушался. Будет издано официальное правительственное сообщение, в котором будут изложены все происшедшие последние дней. Правительственное сообщение будет содержать призыв к спокойствию и указанию на то, что ко всем виновникам бесчинств будут применены самые строгие меры»⁷⁸, — продолжала вести хронику событий газета «Сегодня».

Правительственного заявления, однако, не последовало. Власти ограничились упомянутым выше заявлением министра внутренних дел, в котором действительно описывались последние события, причем жертвы насилия назывались со всей определенностью — евреи, а вот их преследователи обрисовывались условно: «воспользовавшиеся столкновениями студентов и поддерживаемые группами студентов некоторые буяны»⁷⁹. Все же в заявлении министра Квиесиса говорилось о решимости «гарантировать безопасность граждан со всей строгостью, невзирая на то, кто угрожает этой безопасности и чьей безопасности угрожают». Напротив, ректор университета отделался обращенной к молодежи просьбой «помочь ему предотвратить беспорядки, угрожающие превратить храм науки в арену политической и национальной борьбы», и «показать широким слоям народа пример терпимости»⁸⁰.

Латышская печать, кроме левой, либо отмалчивалась, либо подливала масла в огонь. «Только социалистическая латышская печать откликнулась недвусмысленным протестом против эксцессов», — отмечала «Сегодня», недоумевая, почему бесчинства не осуждает правая печать, «которая выше всего ставит идею порядка и права»⁸¹.

Робкая попытка обуздать антиеврейскую агитацию не дала результата. В печати появилась информация о том, что газета “*Latvijas Sargs*” подверглась административному штрафу в размере 500 латов «за систематическое помеще-ние возбуждающих статей» и «подстрекательство к погромам и волнениям»⁸². “*Latvijas Sargs*” назвал это слухами, циркулирующими в «жидовских кругах» и печатаемыми «жидовской газетой» «Сегодня»⁸³. Вскоре выяснилось, что, вопреки мнению правительства, министр внутренних дел А. Квиесис воздержался от наказания газеты «ввиду прекращения уличных эксцессов и отмежевания самой газеты от насильственных действий»⁸⁴.

Правда, отмежевался “*Latvijas Sargs*” в своем духе: «Молодежь совершенно правильно понимает, что хозяйственное угнетение нам грозит... от той национальности, что в очень широких размерах нахлынула к нам из России и других стран и что у нас теперь хозяйственно самая могущественная, в руках которой находятся огромные капиталы и которая захватила в свои руки почти всю внутреннюю и внешнюю торговлю. Это та самая национальность, которая в армии представлена только 1 %, а в высшей школе — 17 %. <...> Все же надо посоветовать молодежи воздержаться от применения силовых средств в национальной борьбе: как и всюду, так и в этой борьбе эксцессы недопустимы. <...> Сегодня, когда коммунисты из-за рубежа [исподлобья] поглядывают на нашу политическую и хозяйственную самостоятельность, когда внутренние агенты коммунистов как легальными, так и нелегальными средствами роют могилу самостоятельности Латвии, не время поддаваться страстям. Молодежи надо экономить силы и организовываться на борьбу с коммунизмом и интернационализмом. Пусть это будет ее главной задачей. Но там, где нам свой национализм, свою национальную культуру и хозяйственную самостоятельность придется защищать против чуждых элементов, давайте делать это культурными методами борьбы»⁸⁵. При этом под «культурными методами» подразумевался «бойкот евреев в деловой жизни» и таинственное «другое». Неслучайно газета “*Sociāldemokrāts*” писала, что “*Latvijas Sargs*” продолжает подстрекать к сведению счетов, «размещающая в своей рижской хронике провоцирующие известия, у которых не может быть иной цели, как обострение отношений»⁸⁶.

О «культурных методах борьбы» латышская шовинистическая пресса писала с маниакальной настойчивостью. “*Students*” с подобной программой обратился к читателям 6 декабря: «Ближайшая задача латышского торговца и коммерсанта — выдавить монополию жидовской торговли в Латвии. От одного края страны до другого магазины должны быть в руках латышей...»⁸⁷ И впоследствии, когда акты прямого насилия против евреев были хотя и сдержанно, но осуждены, “*Students*” ни на йоту не изменил своего видения проблем и решений в сфере экономики: «К земле, политой потом и кровью, протянулись пальцы одного чужого, отталкивающего народа. Более того, над всей жизнью грозит возобладавать этот отвратительный кошмар. Да, отвратительный, поскольку во всех уголках мира его ненавидят и гонят. <...> Все мы, национально мыслящие латыши, признаем, что наша хозяйственная жизнь находится под серьезной угрозой со стороны известной “национальности”. <...> Простой инстинкт самосохранения диктует предпринять серьезные шаги против этой опасности. Сравнительно высокая культура народа дает гарантию, что мы достигнем своей цели совершенно мирным путем, разрешенными средствами. Такое средство — полный бойкот жидовских предприятий»⁸⁸.

Ни угрозы, ни тем более увещания не подействовали на распоясавшуюся молодежь. В пятницу, 8 декабря, беспорядки продолжились. «В 9 часов вечера на станцию Рига явилась группа молодых людей, некоторые в студенческих фуражках, и стала разыскивать евреев, но была вскоре рассеяна полицией. В 8 часов вечера на углу Мельничной [Дзирнаву] и Мариинской улиц полицией была рассеяна собиравшаяся толпа. 20 человек было отправлено в полицию для установления личности»⁸⁹. По всему городу полиция хватала нарушителей порядка, составляла протоколы, а в иных случаях и палила из револьверов в воздух. И все же в субботу, 9 декабря, «студенты-евреи, направлявшиеся на работу в анатомический театр, студентами латышами допущены в здание анатомического театра не были. Аналогичное явление наблюдалось и в других местах университета»⁹⁰.

Добиться прекращения эксцессов не удавалось на протяжении двух недель. Травля евреев так и не получила осуждения со стороны широких слоев общества и тех, кто претендовал на выражение их мнения. Вместо этого латышской молодежи продолжали усиленно прививать идеи расистского толка.

Так, вышедший перед каникулами номер “*Students’ a*” от 13 декабря 1922 г. содержал изложение выступления перед студенческими организациями университета писателя Харальда Элгастса. Тот рассуждал о национальном вопросе следующим образом.

Некоторые упрекают латышскую интеллигенцию в крайнем национализме и шовинизме, но в действительности в латышах мало «живого национализма»; «у нас даже нет своего латышского напитка», из-за чего иностранные матросы отказываются видеть в латышах «особую самостоятельную нацию», просвещал Элгастс молодежь. Он сурово критиковал демократический строй в Латвии, объявляя правящих политиков демагогами, кои, как в России при Петре Великом, все заимствуют на Западе, тогда как особенность и творческая активность народа остаются без внимания и применения. «Над стремлениями отдельных классов и партий должны всегда стоять общие идеалы народа, над которыми, в свою очередь, возвышаются общие культурные идеалы арийской расы. <...> Мы должны быть бдительны против попыток монгольско-семитских интернационалистов зарезать наше национальное своеобразие, прежде чем оно даст свои высшие

культурные достижения. Студенты должны быть пальмоносцами, идущими впереди своего народа в борьбе ради его будущего, славы и силы. Им нельзя усваивать ложные ценности, которые им своими готовыми, дегенеративными и иудайзированными-арийскими интернациональными программами стараются навязать известные партии и группы, но нужно сохранить свободный путь творческому гению»⁹¹, — учил Элгастс.

Национальный вопрос оказался одним из первых в повестке Сейма Латвии первого созыва. Соответствующий запрос министру просвещения Александру Дауге 13 декабря 1922 года внесли представлявшие этнические меньшинства депутаты Нурок, Лазерсон, Фишман, Шиман, Фиркс, Вержбицкий и Дубин. С 1 по 9 декабря администрация автономного учебного заведения не предприняла никаких шагов для предотвращения беспорядков, указывали парламентарии, желавшие услышать из уст министра, что тот намерен предпринять, «чтобы в корне ликвидировать акты насилия подобного рода».

«Вот уже 2 недели, как в стенах университета происходят события, которые, к сожалению, способны уронить достоинство нашего университета в глазах цивилизованного мира. Мы гордимся тем, что наша высшая школа автономна. За эту автономию боролись поколения студентов. Но какие печальные результаты она принесла в данном случае. Автономией злоупотребили. Правление университета ничего не предприняло для того, чтобы поднять престиж автономии. Если можно так выразиться, соблюдался благоприятствующий нейтралитет. Министр просвещения дал обещание, что университетская власть вмешается в беспорядки и выпустит воззвание. Такового не появилось. Но зато появились другие воззвания, возбуждающие учащихся одной национальности против другой. И только 9 декабря после сообщения министра внутренних дел, когда события были уже вынесены на улицу, когда студенты, к сожалению, шли вместе с преступными элементами, ректор нарушил свой благоприятствующий нейтралитет и опубликовал известное воззвание, которое, однако, составлено не в надлежащем тоне. В воззвании не говорится, например, ничего о санкциях. Еврейских студентов до сего дня не пускают в университет — университетская власть молчит. Слышны уже разговоры о каких-то ограничениях для евреев — ректор молчит. Латвия — наша родина, наши предки здесь жили уже столетия. Мы не допустим поэтому лишения нас наших прав. Мы не будем гражданами второго разряда»⁹², — заявил с трибуны Сейма М. Нурок, выступая в поддержку запроса.

В тот же день ректор университета встречался с депутациями студенческих организаций. Еврейским студентам он вменил «игнорирование латышского языка», «ношение русских фуражек» и тому подобные «преступления». От имени еврейских студентов ректору отвечал представитель Кассы взаимопомощи, заявивший, что «еврейские студенты являются такими же гражданами Латвии, как и их латышские коллеги». «Многие еврейские студенты служили в латвийской армии и участвовали в борьбе за освобождение Латвии. Среди 16 имен, выгравированных золотыми буквами в актовом зале, имеется и еврейское имя. Единственным желанием еврейского студенчества является возможность беспрепятственного исполнения своих учебных обязанностей, возможность посещать лекции, не опасаясь избиений и издевательств. Если были случаи нарушения порядка и нарушения каких-либо правил со стороны студентов-евреев, то виновные лица индивидуально могут и должны быть привлечены к законной ответственности»⁹³, — сказал представитель еврейских студентов ректору.

Иначе вели себя их противники. Когда ректор указал «на нежелательность столкновений» и «просил студентов обещать ему, что беспорядки в студенческой среде не повторятся», представители латышских студентов заявили, что «они подобного обещания не могут дать до тех пор, пока не будут соблюдены следующие условия: преподавательский персонал, читающий предметы на латышском языке, обязан в официальных сношениях с еврейскими студентами пользоваться латышским языком, число еврейских студентов должно быть ограничено, и студенты-евреи должны сдать экзамен по латышскому языку». В здании университета были разбросаны листовки, в которых студенты приглашались собраться в четверг, 14 декабря, в полдень в университете, чтобы «отправиться к министру внутренних дел с требованием об освобождении арестованных»⁹⁴.

Эта акция состоялась. «К назначенному сроку вестибюль, лестницы и прилегающие помещения были переполнены студентами, число которых достигало тысячи. Не помогло также заявление ректора, что министр внутренних дел уже отдал распоряжение об освобождении арестованных. Несмотря на то, что префект запретил устройство демонстраций, шествие все же состоялось. Демонстранты направились по бульвару Райниса к Александровскому [бульвару], к зданию Министерства внутренних дел. На углу Елизаветинской ул. они были остановлены отрядом полицейской школы. Демонстрантам было предложено разойтись. Прибывший на автомобиле префект Дамбекалнс, который, между прочим, сообщил, что арестованные уже освобождены, также попросил студентов разойтись. Студенты ответили шумными криками и направились обратно по Александровскому и бульв[ару] Райниса к Министерству иностранных дел. По дороге толпа увеличилась до нескольких тысяч человек. В Министерстве иностранных дел происходило заседание кабинета. Делегация демонстрантов отправилась в министерство для ведения переговоров с министром внутренних дел. Министр внутренних дел А. Квиелис отказался принять делегатов. Когда это стало известно толпе, раздались крики: “Позор!” Демонстранты пропели “*Gaudeamus*” и после этого разошлись»⁹⁵, — писала «Сегодня».

Позднее, в 3 часа дня, А. Квиелис все же принял депутацию студентов. Он объяснил, почему не встретил ее сразу (шло заседание правительства), и указал, что «протоколы, составленные по поводу действий студентов, рассмотрены им лично, причем он установил, что нет оснований держать часть арестованных в заключении». Эту часть освободили еще до начала демонстрации. Тем временем латышские студенты приступили к сбору подписей под протестом министру внутренних дел против произведенных арестов. В ответ поздно вечером 14 декабря пришло известие, что на свободу выпущены все студенты, арестованные в связи с эксцессами. Тогда же появилось первое упоминание о намерении «национальных студентов» внести в совет университета требование о введении процентной нормы для евреев пропорционально численности еврейского населения в Латвии, об обязательном чтении всех лекций на латышском языке и проведении приемных государственных экзаменов на латышском языке»⁹⁶.

Следует отметить, что в Латвии действовал «режим усиленной охраны», введенный и поддерживаемый «во имя безопасности государства и общественного спокойствия». То есть в руках правительства имелись все необходимые средства для предотвращения и прекращения беспорядков. 13 декабря Сейм продлил исключительное положение еще на полгода. При этом, мотивируя запрос Министерства внутренних дел, Квиелис ссылаясь именно на декабрьские собы-

тия: «Улучшения [внутреннего положения] не произошло, и то позитивное, что достигнуто за последние четыре месяца в смысле улучшения внутреннего положения, нейтрализовано некоторыми новыми негативными явлениями... когда как бы под маской победившего в Италии фашизма многие легкомысленные личности и, к сожалению, даже часть нашей прессы взялись культивировать хулиганство, что способствует различным реакционным тенденциям». Лишь сохранение исключительного положения позволит в отсутствие закона о прессе «хоть как-то удержать в границах ту часть легкомысленной прессы, которая взялась за культивирование реакционных и антипарламентских явлений в нашей политической жизни»⁹⁷, — уверял Квисис.

Против продления «режима усиленной охраны» выступили левые социал-демократы, по мнению которых он использовался исключительно для преследования левых организаций. Как заявил депутат Сейма от ЛСДРП Ансис Рудевич, события начала 1920-х гг. — безнаказанные срывы разрешенных властями собраний, митингов и демонстраций рабочих, нанесение увечий их участникам, незаконные облеченных властью лиц во многих уголках Латвии не оставляли сомнения в односторонней направленности режима усиленной охраны⁹⁸. В качестве свежего примера Рудевич привел случай газеты “*Latvijas Sargs*”: «Она определенно и открыто призывает к еврейским погромам, называя их достойным делом. Правительство хотело применить усиленную охрану, но... министр внутренних дел запротестовал, указав, что право наказывать принадлежит не кабинету, а ему. Выходит ясно — там, где призывают к погромам, режима усиленной охраны нет»⁹⁹.

Парламентское большинство поддержало министерство¹⁰⁰. То есть правительство обладало полномочиями и всеми необходимыми средствами для наведения порядка самыми строгими мерами. К «национальным студентам» они применены не были.

Борьба вокруг введения процентной нормы

15 декабря 1922 г. министр просвещения Александр Дауге выступал в Сейме, отвечая на запрос меньшинственных депутатов. «Мне кажется, и я глубоко убежден, что в этом высоком собрании нет ни одного человека, кто события последних дней не пережил бы с глубоким возмущением и болью, и я думаю, что нет никого в этом высоком доме, кто не хотел бы сделать все, чтобы такие события больше никогда не повторились», — с чувством сказал Дауге. Но тут же солидаризировался с ректором университета, объявив действия последнего исчерпывающими. Так и сказал — «делано все, и другие средства не разрешены, немислимы в высшей школе». Подчеркнув, что «студенты дали ректору святую клятву поддерживать в дальнейшем мир и порядок», Дауге не упомянул об условиях, коими было обставлено согласие латышских студентов не распускать руки¹⁰¹.

Дальнейшие события показали, что часть студенчества всерьез рассчитывала на установление в университете процентной нормы для евреев, т. е. возведение недавних насильственных действий в ранг закона. «По делу так называемых “еврейских погромов” в среде латышских студентов родился определенный проект: просить руководство у[ниверситета] не принимать больше ни одного студента еврейской национальности, поскольку их и так сравнительно очень много в нашем у[ниверситете] — 17 % (что не соответствовало действительности. — А. М.), притом что в стране только 4 % еврейского населения. <...> В связи с

событиями в университете задумано созвать представителей всех организаций на обсуждение, чтобы подать университетскому совету мотивированное требование по вопросу еврейских студентов в связи с их процентом в армии, народе и высшей школе. С удовлетворением нужно констатировать корректные выступления латышской гражданской (т. е. буржуазной. — *А. М.*) прессы в деле так называемых “еврейских погромов”»¹⁰², — писал “*Students*” 13 декабря.

О том, что вопрос с подачей петиции, требующей введения в университете процентной нормы для евреев, решен положительно еще до того, как его обсудили «представители всех организаций», можно было судить по наступательному тону заметки. Действительно, разошлось большинство совета только в одном: к какому показателю привязать определение нормы представительства евреев в университете? «Обсудив события во время выборов студенческого совета в университете, совет единогласно (против шести голосов прогрессистов) принял заключение, которое подал в университетский совет: “Студенческий совет признает, что упомянутые события спровоцировали жидовские студенты. Выступая против применения физической силы, признавая, что жида вообще есть интернациональный и вредный для Латвийского государства элемент, и констатируя, что процент жидовских студентов в университете намного превышает процент жидовских жителей в стране, студенческий совет находит, что в интересах Латвийского национального университета необходимо ограничить приток жидов в университет, и потому обращается в университетский совет с просьбой: 1) определить число принимаемых в университет жидовских студентов в соответствии с процентом жидовских жителей в государстве; 2) в дальнейшем, пока процент жидовских студентов в университете превышает процент жидовских жителей в государстве, прекратить прием жидов в университет; 3) всех жидов, которые при поступлении в университет не сдавали экзамен по латышскому языку, проэкзаменовывать по латышскому языку в объеме полного курса средней школы; и 4) просить преподавателей, которые преподают свои предметы на латышском языке, в официальных сношениях с жидовскими студентами использовать только латышский язык”. Параллельно с этим заключением в университетский совет внесена подписанная 2109 студентами резолюция, в которой требуется “приравнять число жидовских студентов к проценту жидов в армии; проэкзаменовывать их по государственному языку; запретить в университете жидовский жаргон (т. е. идиш. — *А. М.*) и ни в коем случае не разрешать собрания бундовцев в помещениях университета. Податели просят исполнить требования уже в этом семестре”»¹⁰³, — сообщал “*Students*”.

П. Б. Хорт сомневается в том, что все собранные под альтернативной резолюцией подписи были настоящими. Но если это не так, отмечает он, то резолюцию подписали около 40 % нееврейских студентов, что свидетельствует о широком распространении антиеврейских настроений в студенческой среде¹⁰⁴.

Зачинщики антиеврейских выступлений с механического факультета были настолько уверены в успехе «организованных шагов», что 19 декабря добились принятия общим собранием Союза студентов-механиков университета резолюции об исключении из его членов всех евреев и отказе от их приема в последующем¹⁰⁵. Основанием для подобной уверенности служило то, что национальные чаяния этой части латышских студентов находили отклик и поддержку в правящих политических кругах, прежде всего со стороны Крестьянского союза. Так, состоявшаяся 17 января 1923 г. конференция Крестьянского союза прямо потре-

бывала, чтобы прием евреев в университет соответствовал их процентному соотношению в армии¹⁰⁶.

На конференции выступал и министр внутренних дел А. Квиесис, который «осветил фактическую сторону студенческого движения». Национальное движение, вообще, понятно, как и симпатии общества к нему, сказал министр. «Не может быть ни малейшего сомнения в том, которой из сторон принадлежат мои симпатии»¹⁰⁷, — подчеркнул Квиесис.

Шовинизм части respectable публики и латышской политической элиты конвертировался в акции прямого действия со стороны менее уравновешенных элементов. Полицейские чины вяли публичным наставлениям министра и, в свою очередь, демонстрировали, на чьей стороне их симпатии, не препятствуя и не пресекая грубых антиеврейских проявлений в столице и провинции¹⁰⁸.

Время рождественских каникул не было упущено латышскими студентами в смысле продолжения «борьбы культурными средствами», которую они вели под сочувственные взоры и ободряющие восклицания «большинства общества». По мнению газеты Крестьянского союза "*Brīvā Zeme*", соответствующая активность латышских студентов нашла в латышском обществе и печати живую и теплую поддержку, выразившуюся в «теплых словах и восторженном приеме студентов в провинции», а также в сборе пожертвований «в пользу студенческого движения за национальную высшую школу»¹⁰⁹.

Вот и университетский совет, который в декабре отложил было принятие решения по «вопросу еврейских студентов», на заседании 10 января постановил предложить всем преподавателям разговор со студентами по возможности вести лишь на государственном языке¹¹⁰. Этому не помешало и то обстоятельство, что профессура университета на тот момент на 60 % состояла из инородцев: на 22 латыша приходилось 19 немцев, 4 русских, 3 швейцарца, 2 еврея, 2 поляка и по одному финну и шведу. Да и среди младшего преподавательского состава нелатышей хватало.

17 января совет пошел еще дальше, решив передать требования латышских студентов о введении процентной нормы в законодательные и правительственные учреждения, т. е. президенту, председателю Сейма и премьер-министру. И, не дожидаясь урегулирования проблемы на государственном уровне, совет решил ввести меры по ограничению приема евреев¹¹¹. Были ужесточены языковые требования; поступление в университет лиц «чуждой» национальности, в том числе тех из них, которые являлись гражданами Латвии, но приобрели гражданство после основания университета в 1919 г., допускалось только в случае наличия вакантных мест на том или ином курсе. По мнению П. Б. Хорта, это означало дискриминацию большого числа курляндских и латгальских евреев, которые во время войны эвакуировались во внутренние области России и потому не могли затребовать гражданство Латвии в 1919 г.¹¹²

В тот же день комитет, назначенный расследовать беспорядки 1 декабря и едва приступивший к выслушиванию свидетелей, пришел к выводу, что главная проблема — «непропорциональное» число еврейских студентов. Комитет и руководство университета в целом проявили солидарность с требованиями большинства студенческого совета о введении процентной нормы для евреев, о чем свидетельствует заключение, присовокупленное советом университета к петиции студенческого совета. Текст этого меморандума, одобренный советом университета единогласно, был заготовлен комитетом задолго до того, как им было проведено расследование дела о беспорядках¹¹³.

В меморандуме приводились причины, которые, по мнению руководства университета, привели к «наплыву несоразмерно большого числа студентов, чуждых Латвии по духу и культуре», что-де и «вызвало в студенческих кругах известное возбуждение, которое и довело до таких нежелательных явлений, как столкновения между отдельными группами студентов». Не называя евреев конкретно, меморандум предписывал законодательным путем ограничить возможности получения ими высшего образования в Латвии: «В связи с этим совет университета приходит к заключению, что не университет, но только законодательное учреждение и правительство могут урегулировать ненормальные обстоятельства и озаботиться тем, чтобы в стране не пользовались ничем не оправдываемыми преимуществами такие круги, которые стремятся в Латвии лишь к хозяйственным и культурным благам жизни, но никогда не несли более крупных жертв в пользу государства...»¹¹⁴

П. Б. Хорт полагает единственным возможным объяснением того, почему ректор Фельсберг и совет университета поспешили со своим заключением еще до того, как было проведено тщательное расследование беспорядков 1 декабря, давление со стороны «национальных студентов». «Совет университета искал законные средства к сокращению приема еврейских студентов, которые не допускались уставом университета... желая, чтобы проблема была разрешена политическими средствами, ответственность за которые легла бы на Сейм»¹¹⁵, — пишет он. На наш взгляд, и уступчивость администрации университета, и настойчивость «национальных студентов» диктовались политической волей, которую недвусмысленно выражали правые латышские партии, и прежде всего Крестьянский союз. На это, как и на несоответствие университетской инициативы конституции, ясно указывали пресса и политики, выражавшие интересы национальных меньшинств¹¹⁶.

С критикой позиции университета в газете «Сегодня» выступили еврейские депутаты Сейма. До войны, писали они, на нынешней территории Латвии проживало намного более многочисленное еврейское население (свыше 7%), значительная часть которого была выдворена во внутренние губернии Российской империи распоряжением царских властей и не смогла вернуться на родину. Депутаты напомнили о препятствиях, которые чинило распространению прав гражданства среди еврейского населения Латвии латышское большинство в Народном совете¹¹⁷, что, по утверждению еврейских парламентариев, и явилось действительной причиной вменяемого евреям «уклонения» от призыва в латвийскую армию. Причины «сравнительно большого процента студентов-евреев» в высшей школе подписавшие протест депутаты Л. Фишман, М. Дубин, М. Нурок и С. Виттенберг предложили искать «в том общеизвестном факте, что большинство слушателей университета всюду дает не сельское, а городское население», тогда как «евреи же почти все горожане»¹¹⁸.

Коснувшись правовой оценки инициативы по введению в университете процентной нормы для евреев, Фишман, Дубин, Нурок и Виттенберг указали на преемственность действовавшего регулирования в этой сфере: «20 марта 1917 г. Временное правительство князя Львова обновленной России, «исходя из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения», постановило отменить все ограничения, обусловленные принадлежностью к тому или иному

вероисповеданию, вероучению или национальности, а в частности в отношении поступления в учебные заведения всякого рода. Этот закон действует у нас в Латвии»¹¹⁹.

Тем временем в университете продолжались демонстрации воли латышского большинства. Так, новый состав студенческого совета принял решение об отказе в праве употребления немецкого языка для заявлений и прений в совете представителями немецких студенческих организаций (левые социал-демократы голосовали против этого)¹²⁰. При этом студенческий совет не упускал случая уязвить «чуждых Латвии студентов». Когда еврейский студенческий союз «Хасмонея» обратился к министру внутренних дел с просьбой разрешить членам общества ношение специального нагрудного значка, тот направил прошение на заключение ректору, который, в свою очередь, запросил отзыв президиума студенческого совета. Отзыв последнего гласил: «Президиум не возражает против ношения значка, дающего возможность отличить еврейского студента от христианского»¹²¹.

Зимой 1923 г. «национальные студенты» чувствовали себя хозяевами положения. «Надеемся, что университетский совет не замедлит исполнить выдвинутые латышскими студентами требования и тем самым устраним столкновения с жидами», — писал “*Students*” 17 января¹²².

Ультимативный характер носил и опубликованный “*Students*’ом” обзор целей и задач Латышского национального клуба. «Его главные цели — развивать в латышском народе государственное и национальное сознание, поощрять использование латышского языка, защищать национальную культуру, обуздывать нелатышские явления, которые еще сохранились и грозят сохраниться. ЛНК хочет быть организацией активных патриотов и хочет действовать в пределах закона, но против незаконных явлений в случае необходимости использовать также другие средства. О меньшинствах ЛНК полагает, что тем нельзя занимать в Латвийском национальном государстве привилегированное положение, как это до сих пор наблюдается. Коль скоро меньшинства не будут работать против государства и национальной идеи, то и клуб их оставит в покое. Так же и в отношении левых организаций ЛНК займет пассивную позицию, если те в своих классовых и групповых интересах не противопоставят себя интересам народа и государства», — говорилось в обзоре¹²³.

Латышская шовинистическая печать поддерживала необходимый, как ей представлялось, для решения «еврейского вопроса» уровень напряжения в обществе. Так, издававшаяся А. Бергсом газета “*Latvis*” («Латыш») призвала студентов-латышей воздерживаться «до законодательного разрешения вопроса от выступлений против евреев», «не терять терпения, но вместе с тем быть на страже, чтобы в случае необходимости иметь возможность по первому призыву выступить за национальную высшую школу». А “*Latvijas Sargs*” подгонял законодателей указаниями на то, что терпение латышских студентов уже начинает иссякать, и распространял слухи о возможной студенческой забастовке¹²⁴.

Осуществить планы по ограничению возможностей получения высшего образования нелатышами (на то, что заостренное против евреев «студенческое движение» было направлено против нелатышшей вообще, указывает, например, оговорка в “*Students*’е”: «чрезмерный наплыв в страну жидов и других чужаков»¹²⁵) взялся новый министр просвещения, экс-пастор Пауль Гайлитс (Крестьянский союз). Гайлитс сменил на этом посту Александра Дауге 26 января

1923 г. после утверждения нового состава правительства во главе с беспартийным Янисом Паулюксом. Вступив в должность, он тут же рьяно взялся за дело.

Первым о готовящемся будто бы проекте оповестил читателей “*Latvis*”. В его подаче дело выглядело таким образом, что впредь евреи будут приниматься лишь в количестве, соответствующем процентному отношению жителей-евреев к общему населению в Латвии. Принятые же сверх этой нормы евреи должны будут платить за учение 15 тыс. рублей в университете и 25—30 тыс. — в Академии художеств, т. е. полностью покрывать расходы государства на обучение студента. При этом всех студентов еврейской национальности испытают на знание латышского языка, истории и географии Латвии, после чего одна часть студентов продолжит обучаться «за нормальную плату», а другая — «за повышенную»¹²⁶. По информации “*Latvis*’а”, ознакомленные с проектом представители студенческих организаций остались им довольны.

“*Latvis*” был хорошо информирован. Вскоре, 28 февраля, “*Students*” опубликовал отчет о состоявшемся в Министерстве просвещения под председательством Гайлитса совещании по поводу «улаживания вопроса о наших и инородческих студентах в университете». Кроме самого министра, в совещании участвовали два его заместителя, проректор университета Юрис Плакис, доценты университета Номалс и Дишлерс, а также три представителя студенческого совета.

«Совещание пришло к заключению, что этот вопрос можно уладить тремя разными способами: университет как автономное учреждение мог бы самостоятельно разрешить это дело; во-вторых, оно могло бы быть улажено законодательным путем в Сейме и, в-третьих, — в правительственном порядке через Кабинет министров, который может бросить на весы только снижение или повышение платы за обучение. Каждый студент в университете обходится государству примерно в 15 000 рублей в год, а плата за обучение — только 5000 рублей, таким образом, государство доплачивает 10 000 рублей на каждого студента; в консерватории эта доплата, или стипендия, составляет 16 000 рублей, а в Академии художеств — даже 24 000 рублей. Не может быть сомнений, что на эти доплаты имеет право только известный процент студентов-инородцев в соотношении с числом латышских студентов, а остальным инородцам следовало бы платить за обучение в полном объеме. Министр образования взялся продвигать это дело в соответствующих инстанциях дальше»¹²⁷, — отчитывался “*Students*”.

27 февраля в Сейме начались прения по уставу университета (до сих пор латвийская высшая школа работала по временным статутам). Социал-демократы осудили устремления «национальных студентов». В свою очередь министр просвещения Гайлитс (совмещающий депутатский мандат с должностью министра, он участвовал в прениях как рядовой парламентарий) взял латышских студентов под защиту. Формально он объявил виновными обе стороны, а фактически — только пострадавшую: «Но раз уж терпеливый и спокойный латышский студент увидел себя вынужденным выступить открыто, то, по-видимому, причины были, и притом серьезные»¹²⁸.

Университетский меморандум о введении процентной нормы рассматривался на ряде заседаний просветительной комиссии парламента. Будучи депутатом Сейма и руководителем этой комиссии, ректор Латвийского университета Фельсберг (он входил во фракцию «Демократический центр — беспартийные общественные деятели») настаивал на принятии резолюции о присоединении к меморандуму. Министр-депутат Гайлитс предлагал различные варианты, приве-

денные выше. Дебаты в Сейме показали, как ошибался прежний министр просвещения Александр Дауге, когда говорил о единодушном осуждении декабрьских эксцессов депутатами парламента. Ксендз Кублинский даже «пригрозил» коллегам недовольством общества и возобновлением студенческих волнений в случае отклонения меморандума. Однако большинством голосов левых социал-демократов и меньшинственных депутатов — 8 против 4 — меморандум был отвергнут¹²⁹.

Однако одобренная большинством резолюция Пауля Калниньша (ЛСДРП) носила половинчатый характер. Проголосовав за «простой переход к повестке дня», т. е. попросту обойдя меморандум стороной, парламентарии уклонились от его политической оценки. Правда, бундовец Ной Майзель, полемизируя с Кублинским, заявил, что и при царизме, и теперь антисемитизм является орудием социально-политической реакции¹³⁰, но произнесенные и процитированные прессой эти слова не стали частью документа и, следовательно, официальной позицией законодательного органа страны. Равнодействующая всех политических сил помешала Сейму сыграть более определенную роль.

В ходе дебатов сторонники процентной нормы отчасти дезавуировали «аргументы» в пользу своего проекта. Так, на требование Кублинского исключить ради «успокоения общества» из университета студентов, менявших подданство, Фельсберг отвечал, что вопрос о подданстве «довольно сложен». «Студенты меняли подданство не по своему желанию, а потому, что прием в латвийское подданство был затруднен и административная и законодательная практика по этому вопросу менялась», — пояснил он, фактически вставая на точку зрения своих оппонентов¹³¹. И даже министр просвещения Гайлитс назвал поголовное исключение студентов «величайшей несправедливостью», поддержав разъяснения Фельсберга. Впрочем, во всеуслышание Гайлитс продолжал твердить, что «большая часть ответственности за [декабрьские] беспорядки ложится на еврейских студентов, последствием провоцирующего и вызывающего поведения которых беспорядки и должны считаться»¹³².

Подстрекаемое министром шовинистически настроенное латышское студенчество пошло по пути усиления давления. «Не поддержав студенческое национальное движение, часть депутатов забыла, что ближайшая задача нашей латышской молодежи и грядущих деятелей — взять в свои руки все отрасли экономики-социальной жизни в Латвии и тем самым освободить наш народ и государство от услуг жидов, дав “несчастливым страдальцам” скорую возможность уехать из “некультурной” Латвии в их Землю обетованную — Палестину. <...> Всем, кого волнует настоящая экономическая и культурная самостоятельность и развитие национального государства, должно заботиться, чтобы в первую очередь латышские юноши и девушки получили бы с помощью государства систематическое высшее образование. Чрезмерное присутствие в университете инородцев крадет эту возможность, поэтому их число подлежит ограничению, и ни одна копейка не полагается для их образования. Жиды, которые по разным причинам еще остаются в университете, должны платить за обучение в полном объеме. Вопрос о жидовских студентах — в сущности вопрос государственной политики, и потому правильное всего было бы ожидать его решения со стороны правительства. Но там это болезненное дело до сих пор остается без поддержки. Что делать дальше? Кажется, снова самим латышским студентам придется втолковать жидам, чтобы те не обременяли [с собой] лаборатории и аудитории национального

университета, поскольку им в них, к сожалению, нет места, и чтобы те поискали подходящее учебное заведение в какой-нибудь другой стране побогаче, например в Советии и Белоруссии, чьими подданными они являются...»¹³³, — покушался на остроумие “*Students*”.

Был создан исполнительный комитет, в состав которого вошли два представителя от корпорантов, два — от «центра» и один — Индрикис Поне — от студенческой секции ЛНК. Именно Поне, к тому времени уже возглавлявший Латышский национальный клуб, был избран его председателем. Как и предрекал “*Latvis*”, исполком объявил студенческую забастовку 7 марта, протестуя против решения просветительной комиссии и с целью «продемонстрировать наше единство и несгибаемую волю в продолжении справедливой борьбы за национальный университет»¹³⁴. «Мы требуем немедленного радикального решения еврейского вопроса. Момент серьезный. Наша национальная честь требует, чтобы мы бодрствовали»¹³⁵, — взывал комитет.

Ректор вновь солидаризировался с требованиями «национальных студентов», однако проведения забастовки не одобрил. Действия стачечного комитета он назвал незаконными с процедурной стороны как ограничивающие академическую свободу преподавателей¹³⁶. Напротив, министр просвещения Гайлитс не только признал студенческую стачку актом вполне легальным, но и лично объявил об этом ее участникам, явившись на собрание студентов и выступив с речью.

«День протеста прошел спокойно. Занятий не было. Вечером в Малой гильдии собрались примерно 3000 студентов. Говорили студенты Поне, Розенталс, Янсонс, Эндзелиньш и др., а также министр образования П. Гайлитс. Студенты в своих речах утверждали, что у студенческого национального движения не случайный характер, но что у него имеются глубокие основы, начатую борьбу надо довести до конца, хоть бы и путем всенародного голосования по жидовскому вопросу (исполком инициировал сбор подписей в поддержку референдума. — А. М.). Жидовской назойливости и кровопийству надо положить конец... Красиво и прочувственно говорил министр просвещения П. Гайлитс, посуливший содействии студенческим заявлениям. “Я был бы рад, если бы вы явились тем огнем, который зажег бы в народе национальное самосознание и самоуважение. Если у нас будет это национальное самосознание, то у нас не станет и кровопийц. От души желаю вам успехов в дальнейшей работе!” — заключил оратор. Собрание студентов... признает деятельность исполнительного комитета безукоризненной, выражает комитету свое полное доверие и просит комитет продолжать свою работу. На собрании было зачитано подписанное 113 воспитанниками Академии художеств приветствие: “Студентам Л[атвийского] у[ниверситета]. Мы, воспитанники Академии художеств, приветствуем справедливую борьбу за национальный университет и национальные права”. Аналогичное приветствие получено также от ЛНК. (“С особой радостью и восторгом поздравляем латышских национальных студентов в день защиты своих прав и желаем скорого исполнения справедливых чаяний. Пусть объединяют нас общая работа и понимание!”)»¹³⁷, — сообщил “*Students*”.

Почему Гайлитс подстрекал латышских студентов против части сограждан вопреки им же самим разделяемым, как выяснилось на заседании просветительной комиссии Сейма, доводам разума и справедливости? По-видимому, популистская тактика министра просвещения преследовала цель пошатнуть

деловой кабинет Паулюкса с участием министров-социалистов, расчистив тем самым место для правительства во главе с Крестьянским союзом. Гайлитс понимал, что ввести процентную норму не удастся, но подогревал в студенчестве шовинистические настроения, дабы бессильный его гнев вылился на действующее правительство, парламент и политических соперников Крестьянского союза. В известной степени это ему удалось.

«Решение жидовского вопроса теперь зависит от Кабинета министров или президиума Сейма, который может предложить соответствующий закон в Сейме. Если не случится ни того, ни другого и справедливые требования латышских студентов не будут удовлетворены, остается единственный путь — апеллировать к народу, будить его национальное самосознание и развивать наисильнейшее национальное движение во всей Латвии и во всех классах общества»¹³⁸, — писал “Students”.

Декабрьские эксцессы послужили репетицией методов прямого политического давления. Весной 1923 г. они были задействованы более успешно. В апреле ведомые ЛНК «национальные студенты» сорвали забастовку рижских портовых рабочих, а 1 мая учинили беспорядки в самом центре латвийской столицы — на Эспланаде и прилегающих улицах. Объектом их нападения явились рабочие, собравшиеся на посвященный Первомаю митинг ЛСДРП. Пользуясь невмешательством полиции, «национальные студенты» устроили кровавую потасовку, что в конечном счете послужило поводом для правительственного кризиса, отставки министров, представлявших ЛСДРП, и смены правительства. Цель была достигнута. Летом 1923 г. Крестьянский союз вернулся к власти.

События зимы 1922/23 года следует рассматривать в контексте борьбы за власть и определение путей дальнейшего развития государства. Эксцессы в Латвийском университете 1 декабря и последовавшие за ними в течение двух недель уличные беспорядки являются эпизодом противостояния двух общественных течений: окрашенного в цвета латышского шовинизма буржуазно-консервативного направления и направления буржуазно-демократического, представленного латышской социал-демократией и левыми еврейскими организациями (Бунд и др.).

Первое течение отстаивало интересы латышской буржуазии, стремившейся к ослаблению, а в идеале — к ликвидации экономической конкуренции со стороны нелатышской, а именно еврейской, немецкой и русской буржуазии. В конечном счете устремления шовинистически-консервативного лагеря сводились к вытеснению национальных меньшинств из важнейших сфер хозяйственной, политической и культурной жизни Латвии.

Их конкуренты слева не отличались единством, четкостью программных и последовательностью тактических установок. Потенциал латвийской социал-демократии в значительной степени был израсходован в годы революции, Гражданской войны и первых лет существования Латвийского государства. Принятие в целом демократической конституции и реализация аграрной реформы — верх ее достижений, после чего наступательная тактика сменилась оборонительной. История латвийской социал-демократии в межвоенный период сводится к обреченным на неудачу попыткам отстоять завоевания начала 1920-х гг. от покушений справа и слева.

В Латвийском университете адептам процентной нормы для евреев задачу максимум осуществить не удалось, но и введенные ранее университетом

ограничения, противоречившие его уставу и конституции, отозваны не были. Например, осталось в силе решение об ограничении приема абитуриентов, которые не были гражданами Латвии в 1919 г., что, как полагает П. Б. Хорт, означало различное понимание дефиниции гражданства университетом и государством и что, по его мнению, было невозможно без выраженной устно поддержки со стороны министра просвещения¹³⁹. Письменно же он выражал уверенность, что университет будет тщательно проверять знания латышского языка абитуриентами, дабы отсеять «ненормальные экземпляры»¹⁴⁰.

Таким образом, не только в конце XX в., но и в начале 1920-х гг. языковые требования и проверки рассматривались как идеальное орудие для регулирования национального состава студентов университета. В результате применения этих и других инструментов доля нелатышских студентов в университете в 1923/24 учебном году снизилась до 15,6 %, а еврейских — до 9 %¹⁴¹. Последний показатель продолжал снижаться: в 1928 г. евреи составляли лишь 8,6 % латвийского студенчества, немцы — 4,8 %, русские — 1,8 %, латыши — 83,4 %¹⁴². Таким образом, национальные меньшинства, доля которых в составе населения превышала 25 %, были частично оттеснены от высшего образования, финансируемого государством. Однако это не привело к уменьшению враждебного к ним отношения со стороны большинства латышских студентов и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Horts P. B.* “Svešie elementi”: Latvijas Universitātes latviešu un ebreju studentu demarkācija un konflikts (1919—1940) // *Latvijas Arhīvi*. 2004. Nr. 4. 63. lpp.

² *Ibid.* 34.—68. lpp.

³ *Stranga A.* Ebreji Baltijā: No ienākšanas pirmsākumiem līdz holokaustam, 14. gadsimts — 1945. gads. R., 2008.

⁴ *Ibid.* 417. lpp.

⁵ *Dribins L.* Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā: Vēstures atskats. R., 2002. 84. lpp.; *Horts P. B.* *Op. cit.* 36. lpp.; *Stranga A.* *Op. cit.* 402., 414.—415. lpp.

⁶ *Stranga A.* *Op. cit.* 419. lpp.

⁷ Учредительное собрание (*Satversmes sapulce*) — парламентское учреждение в Латвийской Республике, избранное 17—18 апреля 1920 г. с целью заменить Народный совет (предпарламент) и разработать Конституцию ЛР. Заседало с 1 мая 1920 по 7 ноября 1922 г. — *Ped.*

⁸ *Paskaidrojums* // *Latvijas Kareivis*. 1920. 3. jūn.

⁹ *Grīns J.* Par pēdējo dienu ielas notikumiem // *Latvijas Kareivis*. 1920. 5. jūn.

¹⁰ *Blanks E.* Stingra politika // *Latvijas Sargs*. 1920. 4. jūn.

¹¹ *Krūmiņš K.* Vēlreiz par notikumiem 1. un 2. jūnijā // *Latvijas Kareivis*. 1920. 10. jūn.

¹² *Valdības Vēstnesis*. 1920. 3. jūl.

¹³ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 1316, оп. 1, д. 7, л. 27.

¹⁴ *Сегодня*. 1920. 24 июля.

¹⁵ См.: *Stranga A.* *Op. cit.* 425. lpp.

¹⁶ *Brīvā Zeme*. 1921. 14. jūn.

¹⁷ *Stranga A.* *Op. cit.* 456. lpp.

¹⁸ *Ostjuden* (нем.) — восточноевропейские евреи. — *Ped.*

¹⁹ *Fr̄eivalds] E.* Žīdu jautājums // *Brīvā Zeme*. 1921. 27. jūl.

²⁰ *Skujenieks M.* Ebreji Latvijā // *Darba Balss*. 1921. 30. aug.

²¹ *Ibid.*

²² См.: *Krēsliņš U.* Aktīvais nacionālisms Latvijā, 1922.—1934. R., 2005. 62. lpp.

- ²³ См.: Попытка внести раскол в среду меньшинств // Сегодня. 1920. 29 апр.
- ²⁴ Брамс Яков Иосифович (1898—1981) — журналист. Родился в Либаве Курляндской губернии (ныне Лиепая в Латвии). Учился в С.-Петербургском психоневрологическом институте, в 1917 г. — в Михайловском артиллерийском училище. После Октябрьской революции вернулся в Латвию. В августе—сентябре 1919 г. был редактором независимой демократической газеты «Народ» (владельцы Я. Брамс и Б. Поляк). В 1920 г. издавал независимую демократическую газету «Рижский день». Основатель и издатель (совместно с Б. Поляком) рижской газеты «Сегодня», самой крупной и наиболее содержательной из русских газет в Прибалтике в 1919—1940 гг. В 1939 г. эмигрировал в США, с 1941 г. владел шведским рестораном в Вашингтоне. — *Ред.*
- ²⁵ Эм. Б. Идеология латышского антисемитизма // Сегодня. 1921. 29 июля.
- ²⁶ *Krēsliņš U.* Aktīvais nacionālisms Latvijā, 1922.—1934. R., 2005. 62. lpp.
- ²⁷ *Stranga A.* Op. cit. 447. lpp.
- ²⁸ *Ibid.* 460.—461. lpp.
- ²⁹ *Cielēns F.* Laikmetu maiņā: Atmiņas un atziņas. Stokholma, 1998. 3. grām. 110. lpp.
- ³⁰ *Ibid.* 110. lpp.
- ³¹ *Лазерсон М.* Страхи // Сегодня. 1922. 2 сент.
- ³² Подробнее о М. Лазерсоне см. в ст. С. Ковальчук, опубликованной в настоящем сборнике, с. 15—37.
- ³³ *Лазерсон М.* Страхи.
- ³⁴ Латышские активные националисты // Сегодня. 1922. 2 сент.
- ³⁵ *Krēsliņš U.* Op. cit. 73. lpp.
- ³⁶ Латышские активные националисты // Сегодня. 1922. 2 сент.
- ³⁷ *Устрялов Н. В.* Италия — колыбель фашизма. М., 2012. С. 112.
- ³⁸ *Krēsliņš U.* Op. cit. 71. lpp.
- ³⁹ Имеется в виду политическая полиция Латвии (в 1920—1924 гг. — Политическая охрана, в 1924—1939 гг. — Центральной политическое управление криминальной полиции, в 1939—1940 гг. — Политическое управление Департамента безопасности) — репрессивный орган для борьбы с противниками политического режима; наряду со штатными чиновниками имела широкую сеть тайных агентов и осведомителей. — *Ред.*
- ⁴⁰ ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 110, л. 23.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Krēsliņš U.* Op. cit. 15.—16. lpp.
- ⁴³ *Stranga A.* Op. cit. 437. lpp.
- ⁴⁴ *Krēsliņš U.* Op. cit. 73. lpp.
- ⁴⁵ *Ibid.* 47. lpp.
- ⁴⁶ *Samsons V.* Naida un maldu slīkšņā: Ieskats ekstrēmā latviešu nacionālisma uzskatu evolūcijā. R., 1983. 19. lpp.
- ⁴⁷ *Ibid.* 33. lpp.
- ⁴⁸ *Ibid.* 38. lpp.
- ⁴⁹ *Horts P. B.* Op. cit. 42. lpp.
- ⁵⁰ *Students.* 1922. 25. sept.
- ⁵¹ *Ibid.*
- ⁵² *Ibid.*
- ⁵³ *Ibid.*
- ⁵⁴ *Ibid.* 8. nov.
- ⁵⁵ *Ezers K.* Kāds vārds par dažām parādībām // *Students.* 1922. 4. okt.
- ⁵⁶ *Horts P. B.* Op. cit. 38. lpp.
- ⁵⁷ *Ibid.* 39. lpp.
- ⁵⁸ *Ibid.* 41. lpp.
- ⁵⁹ *Upesleja K.* Studentu pašdarbības jautājums // *Students.* 1922. 22. nov.
- ⁶⁰ *Students.* 1922. 22. nov.

- ⁶¹ *Upeslēja K. Nacionālā pašapziņa // Students. 1922. 29. nov.*
- ⁶² *Students. 1922. 29. nov.*
- ⁶³ Корпорант — член студенческой корпорации. Корпорация — объединение на основе общности профессиональных или сословных интересов. По примеру прибалтийских немцев в Латвии наряду с латышскими и русскими были созданы и еврейские студенческие корпорации «Гехавер», «Хасмонейя», «Гашахар», «Цукунфт», «Галилея», «Лимувия» и др. После окончания учебного заведения корпоранты переходили в разряд филистеров (ветеранов) и продолжали считаться членами этих организаций. — *Ред.*
- ⁶⁴ *Tagadējās Stud. padomes darbība // Studentu Domas. 1922. 1. dec.*
- ⁶⁵ *Students. 1922. 6. dec.*
- ⁶⁶ *Ibid.*
- ⁶⁷ *Ibid. 1922. 13. dec.*
- ⁶⁸ Матрикула — зачетная книжка в высшем учебном заведении. — *Ред.*
- ⁶⁹ *Students. 1922. 13. dec.; см также: Incidents ar Upeslēju // Studentu Domas. 1922. 8. dec.*
- ⁷⁰ *Horts P. B. Op. cit. 42. lpp.*
- ⁷¹ *Сегодня. 1922. 9 дек.*
- ⁷² *Эксцессы в университете // Сегодня. 1922. 2 дек.*
- ⁷³ *Заявление студентов евреев // Сегодня. 1922. 6 дек.*
- ⁷⁴ *Horts P. B. Op. cit. 42. lpp.*
- ⁷⁵ *Les misérables // Studentu Domas. 1922. 8. dec.*
- ⁷⁶ *Students. 1922. 6. dec.*
- ⁷⁷ *Имеется в виду Еврейская народная консерватория, основанная в Риге в 1921 г. и просуществовавшая за счет пожертвований до 1925 г. Фактически это была музыкальная школа для взрослых. — Ред.*
- ⁷⁸ *К эксцессам // Сегодня. 1922. 9 дек.*
- ⁷⁹ *Сообщение // Сегодня. 1922. 9 дек.*
- ⁸⁰ *Сегодня. 1922. 10 дек.*
- ⁸¹ *Там же.*
- ⁸² *“Latvijas Sarga” nosodīšana // Sociāldemokrāts. 1922. 12. dec.*
- ⁸³ *Baumas // Latvijas Sargs. 1922. 12. dec.*
- ⁸⁴ *Сегодня. 1922. 14 дек.*
- ⁸⁵ *Nacionālā jaunatne un sociāldemokrāti // Latvijas Sargs. 1922. 12. dec.*
- ⁸⁶ *“Latvijas Sarga” nosodīšana.*
- ⁸⁷ *Vai visa zeme nav tavā priekšā? // Students. 1922. 6. dec.*
- ⁸⁸ *Esi modrs, varoņu gars // Students. 1923. 24. janv.*
- ⁸⁹ *Сегодня. 1922. 10 дек.*
- ⁹⁰ *Там же.*
- ⁹¹ *Students. 1922. 13. dec.*
- ⁹² *Сегодня. 1922. 14 дек.*
- ⁹³ *Студенты у ректора // Сегодня. 1922. 14 дек.*
- ⁹⁴ *Сегодня. 1922. 14 дек.*
- ⁹⁵ *Демонстрация студентов // 1922. 15 дек.*
- ⁹⁶ *Там же.*
- ⁹⁷ *Saeimas stenogrammas, 1. sesijas 7. sēde 1922. g. 13. dec. 90. sl.*
- ⁹⁸ *Ibid. 90.—91. sl.*
- ⁹⁹ *Ibid. 92.—93. sl.*
- ¹⁰⁰ *Продление положения об усиленной охране // Сегодня. 1922. 14 дек.*
- ¹⁰¹ *Saeimas stenogrammas, 1. sesijas 8. sēde 1922. g. 15. dec. 100.—101. sl.*
- ¹⁰² *Students. 1922. 13. dec.*

- ¹⁰³ *Žīdu studentu lietā: Studentu padomes atzinums // Students. 1923. 17. janv.*
- ¹⁰⁴ *Horts P. B. Op. cit. 50. lpp.*
- ¹⁰⁵ *Students. 1923. 17. janv.; Сегодня. 1922. 29 дек.*
- ¹⁰⁶ *Лазерсон М. Процентная справедливость // Сегодня. 1922. 21 дек.*
- ¹⁰⁷ *Съезд Крестьянского союза // Сегодня. 1922. 19 дек.*
- ¹⁰⁸ *Гастроль в Бауске // Сегодня. 1922. 9 янв.; ЛГИА, ф. 2125, оп. 4, д. 76, л. 61.*
- ¹⁰⁹ *Собирают пожертвования // Сегодня. 1923. 10 янв.*
- ¹¹⁰ *Сегодня. 1923. 12 янв.*
- ¹¹¹ *Резолюция о студентах-евреях // Сегодня. 1923. 19 янв.*
- ¹¹² *Horts P. B. Op. cit. 51. lpp.*
- ¹¹³ *Ibid. 50.—51. lpp.*
- ¹¹⁴ *Вопрос о еврейских студентах в Латвийском университете // Сегодня. 1923. 21 янв.*
- ¹¹⁵ *Horts P. B. Op. cit. 52. lpp.*
- ¹¹⁶ *Университет и евреи // Сегодня. 1923. 21 янв.*
- ¹¹⁷ *Народный совет Латвии — предпарламент Латвийской Республики (1918—1920), действовавший до созыва Учредительного собрания. Был образован на основе соглашения от 17 ноября 1918 г. представителями Латышского временного национального совета, действовавшего в Петрограде, и Демократического блока, действовавшего в оккупированной Германией Риге (позднее к ним добавились представители национальных меньшинств), и представлял все политические партии Латвии, кроме большевиков и настроенных прогермански. — *Ред.**
- ¹¹⁸ *Протест еврейских депутатов // Сегодня. 1923. 2 февр.*
- ¹¹⁹ *Там же.*
- ¹²⁰ *Студенчество и меньшинства // Сегодня. 1923. 23 янв.*
- ¹²¹ *Остроумный ответ // Сегодня. 1923. 16 янв.; Studentu Padome // Students. 1923. 17. janv.*
- ¹²² *Atskats // Students. 1923.*
- ¹²³ *L.N.K. // Students. 1923. 17. janv.*
- ¹²⁴ *Сегодня. 1923. 3 февр.*
- ¹²⁵ *Students. 1923. 31. janv.*
- ¹²⁶ *Новый курс г. Гайлита // Сегодня. 1923. 7 февр.*
- ¹²⁷ *Students. 1923 28. febr.*
- ¹²⁸ *Выступление г. Гайлита в Сейме // Сегодня. 1923. 28 февр.*
- ¹²⁹ *Решение о студенческих требованиях // Сегодня. 1923. 3 марта.*
- ¹³⁰ *Там же.*
- ¹³¹ *Там же.*
- ¹³² *Заявления П. Гайлита в качестве министра // Сегодня. 1923. 4 марта.*
- ¹³³ *Students. 1923. 7. marts.*
- ¹³⁴ *Ibid.*
- ¹³⁵ *Студенческий «день протеста» // Сегодня. 1923. 7 марта.*
- ¹³⁶ *Дни молчания // Сегодня. 1923. 13 марта; Horts P. B. Op. cit. 54. lpp.*
- ¹³⁷ *Studentu nacionālā kustība // Students. 1923. 21. marts.*
- ¹³⁸ *Ibid.*
- ¹³⁹ *Horts P. B. Op. cit. 54. lpp.*
- ¹⁴⁰ *Ibid.*
- ¹⁴¹ *Ibid. 57. lpp.*
- ¹⁴² *Ibid.*